

# *ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ*

© 2007 г. Г.Ф. БЛАГОВА

## **ПЛЕЯДА ВОСТОКОВЕДОВ-ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ В ПРОТИВОСТОЯНИИ НОВОЙ И СТАРОЙ ШКОЛ (ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX в.)\***

Работа выполнена в серии «Очерки по историографии тюркского языкознания». Обращение к полузабытым и архивному тезисам Самойловича о двух школах тюркологии в России, специфике развития научной школы тюркского языкознания, расширение источниковой базы за счет введения в научный оборот эпистолярного архива ученого, разработка методики использования документов личного происхождения – все это позволяет предложить новую трактовку основополагающих историографических проблем, в том числе известного, но недостаточно объясняемого противостояния востоковедов на Факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета в первые десятилетия XX века.

Александр Николаевич Самойлович (17/29.12.1880–13.02.1938) был российским тюркологом широкого профиля: лингвист, историк среднеазиатско-тюркских литератур и литературных языков, знаток средневековых тюркских рукописей; специалистам хорошо известны также его работы по фольклору и этнографии тюркских народов. В 2005 г. издательством «Восточная литература» в серии «Классики отечественного востоковедения» был издан однотомник избранных его трудов [Самойлович 2005].

В настоящее время нами готовится к печати книга «Александр Николаевич Самойлович: научная переписка и биография. К 70-летию со дня гибели».

Научная переписка А.Н. Самойловича, материалы которой разрознены, в основном, по фондам двух архивохранилищ – Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ) в Петербурге и Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (ПФА-РАН), бесценна как своей временной протяженностью (охватывает всю первую треть XX в.), так и широким кругом адресатов, среди которых не только выдающиеся тюркологи, но и востоковеды других профилей. Объясняется это тем, что Самойлович с молодых лет добровольно принял на себя миссию творческого объединения тюркологов и алтаистов, причем одним из средств объединения для него была переписка; именно поэтому его ученая корреспонденция так обширна и охватывает плеяду востоковедов этого периода. Представления о ценности этой совокупности писем должны соизмеряться с убеждением Самойловича, что научная переписка является одной из сторон научной деятельности ученого [Самойлович 2005: 138].

\* Статья, относящаяся к циклу разрабатываемых нами очерков по историографии отечественной тюркологии, выполнена при поддержке РГНФ, проект № 06-04-00167А. В статье сохранена терминология, которой пользовались востоковеды первой трети XX века: «турецкие языки» вместо «тюркские языки», «турколог» вместо «тюрколог» и т.д.

В переписке освещается последовательный ход истории тюркологии (отчасти и востоковедения) в изменяющейся России дооктябрьского и первых десятилетий послеоктябрьского периодов. Историографические аспекты поставленной нами проблемы «противостояние новой и старой школ востоковедения» рассматриваются ниже на двух уровнях. На первом уровне изучается развитие новой школы вопреки сопротивлению старой школы. Второй уровень посвящен лаконичной характеристике отдельных ученых – представителей новой и старой школ; при этом нами сознательно допущен понятный перекос внимания к фигурантам Переписки – в их отношении к новым научным веяниям и в их взаимоотношениях с А.Н. Самойловичем. Изложение на двух уровнях, перемежаясь одно с другим, идет как бы параллельно. В известной мере изложение оживляется описанием наиболее заметных событий в научной жизни, деталями быта и пр.

Научную переписку нельзя не признать одним из репрезентативных источников для историографии отечественного востоковедения и прежде всего – для его микроистории. Актуализация микроистории (и одновременно специфичного для нее микроподхода) в современной системе дисциплин исторического цикла предполагает особое исследовательское внимание к индивидуальному, и в первую очередь – к личным творческим взаимоотношениям между учеными [ВИ 2004. № 2: 164 и сл.].

Анализ Переписки и широкое привлечение других архивных материалов позволили осветить два аспекта (их можно было бы чисто условно назвать «негативным» и «позитивным»), одинаково важных для науковедения и одинаково мало изученных в системном отношении. С одной стороны («негативный аспект»), это феномен «противостояния» между группами отечественных востоковедов на рубеже XIX–XX вв. С другой стороны («позитивный аспект»), тот же исследовательский материал позволяет увидеть не только деловые, но и истинно дружеские взаимоотношения между представителями новой школы, консолидацию творческих устремлений и усилий по укреплению и дальнейшему развитию школы, их заботу о подающих надежды «юных ориенталистах» (выражение И.Ю. Крачковского), к приобщению этих последних к новейшим достижениям западноевропейской науки, воспитанию у них вкуса и стремления работать по этой методике. Молодые ученые получали как бы подпитку от своих старших коллег различных специальностей.

Извлеченные из Переписки конкретные факты не могут не способствовать нашему стремлению воссоздать в историографических разысканиях живую ткань отдельной человеческой судьбы, человеческой души [ВИ 2004. № 2: 164]. Естественно, что для этих целей был использован микроподход к каждому эпистолярному тексту и к его детальному комментированию; привлекались в известной мере также другие документы личного происхождения.

В работе поставлены следующие конкретные науковедческие вопросы: 1) дополнить и уточнить в деталях научную биографию А.Н. Самойловича; 2) по возможности системно рассмотреть такой малоисследованный феномен жизни факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета рубежа XIX–XX вв., как «непримиримые противостояния» не отдельных лиц, а целых групп отечественных востоковедов на рубеже XIX–XX вв.

О «непримиримых противостояниях» упоминают В.В. Наумкин и И.М. Смилянская в Предисловии ко II выпуску «Неизвестных страниц отечественного востоковедения» – по поводу публикуемой там Переписки В.Р. Розена и С.Ф. Ольденбурга: эта переписка «передает атмосферу как деловых и дружеских отношений, так и непримиримых противостояний на почве различий общественно-политических взглядов или соперничества в среде университетской профессуры» [Неизвестные страницы. II: 6]. Разумеется, нельзя не принимать во внимание таких объективно существовавших причин, как соперничество в среде профессуры и различие общественно-политических взглядов и – добавим – резких различий в социальном происхождении и социальном положении, как, например, в случае В.Д. Смирнова, в 8 лет ставшего «неимущим сиротой», и его университетских товарищей, а ими «были барон В.Р. Розен и К.Г. Залеман, впоследствии – академики» [Самойлович 1923: 208].



Нельзя не отметить, однако, что различными были, например, общественно-политические взгляды В.Р. Розена и С.Ф. Ольденбурга, но в своих письмах ученые практически не затрагивали этих вопросов, и различия не сказывались на их деловой, дружеской переписке, на воистину родственной заботе друг о друге. Точно так же в случае, где речь шла об общем деле, к которому желательно было привлечь побольше единомышленников, преодолевались и личная неприязнь, и личная антипатия. См., к примеру, обмен мнениями о П.М. Мелиоранском в письмах С.Ф. Ольденбурга и В.Р. Розена (соответственно от 3/15.XII.1893 г. и 13/25.XII.1893 г.), с одной стороны, а с другой, позднее – сведения о фактах сотрудничества с ним (письма от 1.V.1903 г. и 6/19.V.1903 г.) [Розен–Ольденбург 2004: 271, 273, 274 и 340, 341]; см. также заботу В.Р. Розена о проведении его ученика В.В. Бартольда, а вместе с ним и П.М. Мелиоранского в профессуру (письмо Розена от 6/19.II.1901 г.) [Там же: 324]. Все это свидетельствует о том, что при рассмотрении вопроса о противостоянии необходимо также иметь в виду и другие документально зафиксированные причины.

Как нам представляется, при объяснении «непримиримых противостояний» необходимо учитывать также тот зафиксированный Самойловичем факт, что с 60-х гг. XIX в. начался переходный период «смены средневековья нашей науки новой историей» [Самойлович 1925: 172], а в конце XIX в. академики В.Р. Розен и К.Г. Залеман смогли «основать на факультете <восточных языков Санкт-Петербургского университета> новую школу научного востоковедения» [Самойлович 1923: 208]. Становление новой школы продолжалось, как это видно из Переписки, и в первые десятилетия XX в. В тюркологии переходный период ознаменовался тем, что 1) «на первый план на много лет выдвинулось изучение живых наречий в духе новых требований научного языкознания» [Самойлович 1925: 172]; 2) присущее отечественному востоковедению кропотливое и тщательное изучение памятников в сочетании с новыми, более совершенными методами вело к становлению комплексной лингвотекстологической методики и, приобретая черты системности, открывало путь к важным обобщениям. Это новое научное течение, требовавшее специальной лингвистической подготовки, творческого овладения существующей (в том числе – западноевропейской) литературой по этой тематике, с годами все более крепло, своей новизной и перспективностью привлекая одаренную молодежь («юных ориенталистов»). Консервативные представители старой школы реагировали на сложившуюся ситуацию недовольством и ревностью, в чем и был, по нашему мнению, корень непримиримых противостояний.

Таким образом, нами предложено рассматривать это явление в принципиально новом аспекте; в этих целях привлекаются имеющиеся публикации (хотя бы и косвенно касающиеся изучаемого объекта).

Поставленные науковедческие проблемы не получили сколько-нибудь систематического освещения в историографии тюркологии. До последнего времени архивные сведения и факты из Переписки Самойловича были введены в научный оборот лишь по мере их практической надобности [Самойлович 2005: 17 и сл.]<sup>1</sup>. Невостребованными оказались высказывания классиков тюркологии по этой тематике, в том числе и в опубликованных, но раритетных статье Самойловича о Березине и написанном им некрологе В.Д. Смирнова. Если же факты, высказывания такого рода приводились в печати, то освещались они сугубо как единичные, см., например о резко негативном выступлении лектора-сирийца А. Хашаба при защите И.Ю. Крачковским магистерской диссертации 17(30).V.1915 г. [Долинина 1994: 139 и сл.]. Между тем в том же 1915 г. (на 4 месяца раньше), в том же Совете факультета восточных языков защищался Самойлович – присутствовали те же члены Совета, и среди них люди, затуманенные теми же тенденциями неприязни к соискателю, что и на защите Крачковского (см. ниже), и потому именно, что оба соискателя были представителями один – новой тюркологии, другой – новой

<sup>1</sup> Использование архивных материалов такого рода, касающихся другого тюрколога, см. [Иванов 1973: 13 и сл.; Кокова 1993].

арабистики. Небезынтересно отметить, что в случае И.Ю. Крачковского эта тенденция была усугублена соперничеством лектора-сирийца, автора учебника арабского языка, по отношению к молодому соискателю, см. наблюдение Самойловича в его письме к И.Ю. Крачковскому от 26.VI.1914 г., хотя в более раннем письме (от 26.VII.1911 г.)<sup>2</sup> Крачковский явно причисляет Хацаба к «нашему лагерю». Но прошло 3 года, Крачковский готовится к защите – и отношение Хацаба к нему резко изменилось. Во время защиты Хацаб в своей неприязни к соискателю опирался на моральную поддержку представителей старой школы (свидетельство В.А. Крачковской) [Долинина 1994: 140].

Невнимание исследователей к этим немаловажным сторонам научной жизни востоковедов в конце XIX – первые десятилетия XX в. не могло не сказаться на отсутствии в современном учебном курсе «Введение в тюркологию» необходимых сведений даже о самом факте существования новых и старых востоковедных научных школ, о противостояниях представителей этих школ, носивших как чисто научный характер, так и административно-организационный.

Именно при учете разного рода противостояний, отраженных в Переписке, возникает возможность хотя бы поставить задачу на будущее: углубленно исследовать пути становления и развития прогрессивного востоковедения в России на рубеже XIX–XX вв., используя для этого изучение конкретных ситуаций научной жизни в этой области и широкое привлечение архивных материалов.

При целенаправленной работе над Перепиской мы прибегли к *совокупности* следующих *методических приемов*. Суть *первого из них* – возможное расширение материала за счет систематического обращения к фондам фигурантов Переписки. В результате к публикации подготовлена как двусторонняя сплошная переписка Самойловича с выдающимися современниками (В.В. Бартольд, И.Ю. Крачковский, С.Е. Малов; представление о переписке с В.А. Гордлевским дает перепечатка статьи Н.А. Баскакова «А.Н. Самойлович в письмах к В.А. Гордлевскому», с обильной эпистолярной цитацией), так и сохранившиеся письма к нему других ученых (П.М. Мелиоранский, Б.Я. Владимирцов, Е.Д. Поливанов, А.А. Семенов, Н.Г. Маллицкий, А.Э. Шмидт, Н.К. Дмитриев, К.К. Юдахин, А.П. Поцелуевский, Т.И. Грунин, А.А. Зайончковский), а также письма Самойловича к Н.И. Ашмарину.

В соответствии с поставленными науковедческими задачами в процессе работы над этой статьей определился критерий отбора фактов из потока событий, которые оказались в поле внимания в эпистолярном наследии Самойловича.

Для осуществления поставленных науковедческих целей мы использовали еще один прием, тесно сопрягаемый с приемом «расширения». Суть этого *второго приема* – в собирании фактов, описания которых рассыпаны по письмам разных фигурантов и которые оказываются связаны с той или иной из поставленных проблем (т.е. «*тематическое собирание*»: собирание по крупицам, из которых, как из мозаики, восстанавливаются картины научной жизни прошлого), в концентрации, в систематизации и классификации полученных данных с последующим их комментированием. Использованием этого приема в соединении с микроподходом мы добиваемся эффекта «оживления» («анимации») давно происходивших событий, о конкретике которых узнаем «с слов их участников», т.е. по сведениям, собранным из разных архивных фондов. Вместе с тем такое собирание сведений по крупицам и мозаичность получаемых картин давно прошедшей жизни востоковедов определили структуру и жанр проведенного нами исследования: оно состоит из небольших разносюжетных новелл (каждая отделена от другой пробелом).

<sup>2</sup> Здесь и ниже приводятся цитаты из писем, хранящихся в петербургских архивах РНБ (Ф. 671: фонд Самойловича) и ПФАРАН (Ф. 782: фонд Самойловича; Ф. 68: фонд В.В. Бартольда; Ф. 1026: фонд И.Ю. Крачковского; Ф. 1079: фонд С.Е. Малова). Фрагменты писем А.Н. Самойловича к В.Г. Гордлевскому приводятся по публикации их Н.А. Баскаковым [Баскаков 1973].



Целесообразным и плодотворным оказался и *третий прием* – под тверждением и слов очевидцев и участников анализируемых событий при помощи разных других документов и источников (как, например, ежегодные отчеты Самойловича в Академию наук, его записные книжки, синхронные публикации на определенную тему, некоторые документы личного происхождения и др.).

Комплексное применение микроподхода и названных методических приемов к совокупности публикуемых ниже писем обеспечило возможность использования этих писем в качестве надежной и достаточно широкой источниковой базы для исследования поставленной науковедческой проблемы, а это, в свою очередь, позволяло добиваться максимально приближенной к действительности интерпретации содержания текстов и тем самым способствовать более глубокому осмыслению изменяющихся ситуаций научной жизни востоковедения в изменяющейся России первой трети XX в. Этим же целям послужило также широкое привлечение материалов недавно изданной переписки учителя В.В. Бартольда, профессора-арабиста В.Р. Розена и буддолога акад. С.Ф. Ольденбурга [Розен–Ольденбург 2004].

Таким образом в соответствии с поставленными задачами нам пришлось синтезировать «в едином сюжете» разнообразие писем выдающихся востоковедов рубежа XIX–XX вв. Благодаря этому появилась возможность предварительно обрисовать «в лицах» деятелей как новых научных направлений, так и старой школы российского востоковедения, а также изменяющееся соотношение сил («молодые» и «старые») на протяжении первых десятилетий XX в. В результате оказывается, что исследование переписки ученых способствует раскрытию некоторых узловых проблем истории нашей науки.

В настоящее время тюркология располагает необходимыми справочно-энциклопедическими изданиями: «Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период» [Кононов 1989], «История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период» [Кононов 1982], с одной стороны, а с другой – очерками Н.К. Дмитриева об изучении восточной филологии в Московском университете [Дмитриев 2001a], статьями Ф.Д. Ашнина, рядом статей и монографий Ф.Д. Ашнина и В.М. Алпатова, Д.М. Насилова [Ашнин, Алпатов 1996; Ашнин, Алпатов, Насилов 2002], а также Б.В. Лунина.

Тем не менее, нельзя отрицать, что в изучении этапов развития тюркологии и тюркского языкознания в изменяющейся России существует известная неравномерность. Например, А.Н. Самойлович в концептуальной статье «И.Н. Березин как тюрколог» (написана в 1919 г., напечатана в 1925 г. [Самойлович 1925]) дал глубокий анализ становления новой тюркологической школы в перспективе ее развития. Однако этот важный переходный период все еще недостаточно привлекал внимание современных нам историографов науки. Поэтому идеи Самойловича остались невостребованными, системно не осмыслены и не получили достойного отклика.

С 60-х годов XIX в., когда, по словам Самойловича, «в тюркологии на первый план на много лет выдвинулось изучение живых наречий в духе новых требований научного языкознания», в России зародилась новая самостоятельная дисциплина – тюркское языкознание. «Первым востоковедом-лингвистом в современном понимании этого термина был О.Н. Бётлингк (1815–1904), знаменитый санскритолог, вошедший в историю тюркологии как автор классического исследования “О языке якутов” (СПб., 1851)» [Кононов 1973: 12].

В статье «И.Н. Березин как тюрколог» А.Н. Самойлович дал концепт-проспект историографического описания того, как зарождалось тюркское языкознание в России; он назвал этот процесс «сменой средневековья нашей науки новой историей». Именно в этот период – 60-е годы XIX в. – наметилось размежевание двух тюркологических школ. Тезис о двух научных школах был сформулирован Самойловичем в черновых заготовках к некрологу П.М. Мелиоранского под заглавием «Труды, научные взгляды и заветы Мелиоранского (Мелиоранский как языковед-тюрколог)» (РНБ. Ф. 671. Д. 149, без даты); датировать эту архивную единицу мы предлагаем не позже лета 1906 г. Две

школы, по А.Н. Самойловичу: «I. Школа Казем-бека: Березин, Смирнов, Катанов; II. Школа Бётлингга: 1) Ильминский, Мелиоранский, 2) Радлов» Этот тезис впервые опубликован посмертно [Самойлович 2005: 123].

Как видим, обе школы представлены яркими учеными того времени, а размежевание школ производилось Самойловичем отнюдь не по территориальному признаку (т.е. по центрам преподавания тюркских языков – казанская, петербургская, московская школа, как это принято, между прочим, и до настоящего времени), но по методологическому принципу. При таком размежевании учитывалась суть лингвистических воззрений тюркологов, их отношение к передовой методологии. С этой точки зрения интерес представляют следующие факты. Березин и Ильминский, по словам Самойловича, были блестящими учениками Казем-бека («казанская школа»), но первый из них обнаружил полное отсутствие лингвистической подготовки и интереса к теории языкознания, к новой исследовательской методике. На этом основании он причислен к школе своего учителя. Между тем Ильминский благодаря изучению существовавшей в его время лингвистической литературы, в том числе отечественной русистики, общезыковедческой, а также и западноевропейской, сумел овладеть новейшей методикой, приобрести должную специализацию и на этой основе продвинуться в исследовании как живых тюркских языков и диалектов, так и издании памятников среднеазиатско-тюркской литературы; в соответствии с этим он отнесен к школе Бётлингга. В.Д. Смирнов, как впоследствии и Березин, был профессором факультета восточных языков С.-Петербургского университета и также был причислен Самойловичем к школе Казем-бека: оба были слишком связаны «с отжившей эпохой» [Самойлович 1925: 172].

Критериями новой школы были признаны следующие: 1) вычленение тюркского (шире – восточного) языкознания как особой дисциплины комплексного тюркологического (востоковедного) цикла; 2) «изучение живых наречий в духе новых требований научного языкознания», введение в научный обиход новых языковых данных, в результате – формирование «основного научного фонда» для исследования различных тюркских языков и диалектов, прежде не изучавшихся или малоизученных; 3) использование в этих целях новейшей лингвистической теории и методики, разработанной в Западной Европе; 4) при издании, переводе и всестороннем изучении старописьменных памятников – систематизация данных: орфографических (правописание памятника в связи с фонетикой), грамматических, словарных – с учетом историко-стиховедческого анализа текста, т.е. стремление соединять традиционное кропотливое изучение текста с новейшими методиками и подходами как языковедческими, так и литературоведческими.

Критерии литературоведческие: 1) исследовательское внимание к новейшей литературе на восточных языках; 2) сочетание «трех подходов к тексту в их органической связи: традиционный филологический, историко-литературный и литературно-эстетический с выходом к общим вопросам теории литературы»; 3) «использование новейших методов, одинаково обязательных для всех историко-литературных работ», цит. по [Долнина 1994: 137].

Как можно видеть, для любого из названных Самойловичем представителей новой школы тюркское языкознание было ключевым в научной деятельности. О.Н. Бётлингк проявил себя как автор знаменитой книги «О языке якутов», статей по турецкой грамматике, по якутскому языкознанию; Н.И. Ильминский – как первый исследователь грамматики и лексики казахского языка и туркменских говоров, татарского языка, а также языка «Бабур-наме» («джагатайского спряжения»); ведущий соавтор и редактор «Граматики алтайского языка». В многообразном научном творчестве В.В. Радлова особое место занимают тюркская диалектография, лексикография, многочисленные фонетико-грамматические наблюдения над руническими и уйгурскими памятниками.

Как писал А.Н. Самойлович, «Березину одному из первых открылись цели тюркологии, <...>, но ему не удалось преодолеть подступов к путям достижения этих целей. Преодолевал подступы Бётлингк. Ильминский мощно двинулся было по верному пути к открытым уже целям, но иное призвание отвлекло его решительно в сторону. Радлову суждено было возглавить новую эпоху нашей науки» [Самойлович 1925: 172].



**Василий Васильевич Радлов** (Friedrich Wilhelm Radloff) (1837–1918), «питомец Берлинского университета, нашел в России, куда прибыл летом 1858 г., все необходимое для работы и жизни, которая отчетливо делится на три периода: алтайский (1859–1871), казанский (1871–1884), петербургский-петроградский (1884–1918)» [Кононов 1972: 8]. Его научные поездки по Алтаю (начиная с лета 1860 г.), Восточной Киргизской степи (1862), Хакасии (1863), Семиречью (1868–1869) позволили собрать богатый лингвистико-фольклорно-этнографический материал, вошедший в «Образцы народной литературы тюркских племен» [Радлов 1866–1872]. В двухтомном труде «Aus Sibirien» (с подзаголовком «Из дневника путешествующего лингвиста») изложен историко-этнографический, фольклорный, лингвистический материал, собранный в алтайский же период [Radloff 1884].

Казанский период был заполнен педагогическо-административной деятельностью. В 1872 г. Радлов был назначен инспектором татарских, башкирских и «киргизских» (казахских) школ Казанского учебного округа. В 1882–1883 гг. он издал свою «Сравнительную грамматику северных тюркских языков» [Radloff 1882–1883].

Избранием В.В. Радлова ординарным академиком по литературе и истории азиатских народов в 1884 г. начинается петербургский период, который «был самым разнообразным по тематике научных занятий и самым плодотворным по числу изданий: первые два периода подготовили успехи третьего. Крупнейшим, не имевшим прецедентов научным предприятием этого периода был “Опыт словаря тюркских наречий”, материалы для которого он начал собирать еще в 1859 г., в первый год пребывания на Алтае» [Кононов 1989: 193].

«Трудами... В.В. Радлова тюркология в целом – во всех ее основных филологических и лингвистических разделах – поднялась на новую степень, приобрела новое качество, чему способствовало в первую очередь введение В.В. Радловым в научный обиход нового фактического материала, почерпнутого из сокровищницы почти всех тюркских языков, создание общетюркского словаря, изучение фонетики и грамматики многих живых тюркских языков и почти всех основных памятников рунической, значительного числа памятников уйгурской и отчасти арабской письменности и – может быть, самое главное – утверждение сравнительно-исторического метода в тюркологии» [Кононов 1972: 13–14].

В.В. Радлов проявил себя как организатор науки и администратор: в 1885–1890 гг. он занимал должность директора Азиатского музея; в 1894–1918 – бытность его директором Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого – была проведена реорганизация музея. Он был одним из инициаторов создания Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии при Министерстве иностранных дел (РКИСВА; 1903–1918) и его председателем.

Радлов не преподавал ни в Казанском, ни в Петербургском университете, но учеников в петербургский период своей жизни имел; это были тюркологи Н.Ф. Катанов, П.М. Мелиоранский, А.Н. Самойлович, С.Е. Малов, монголисты Б.Я. Владимирцов и А.Д. Руднев [Кононов 1972: 14], а также историк В.В. Бартольд.

С 80-х годов XIX в. «организатором и идейным руководителем отечественного востоковедения стал академик В.Р. Розен (1849–1908)» [Кононов 1973: 7]; об этом же писал А.Э. Шмидт: «покойному Виктору Романовичу <...> пришлось брать на свое попечение не только русскую арабистику, но и русскую ориенталистику в целом», цит. по [Долинина 1994: 245]. «Шейх русских арабистов» (как назвал его Н.А. Медников), он руководил «Записками Восточного отделения ИРАО», которые стали издаваться с 1886 г. и вскоре получили признание и в Европе, познакомив западных ученых с достижениями русского востоковедения. Во многом благодаря «Запискам» русский язык стал приобретать статус языка, владение которым необходимо любому востоковеду [Розен–Ольденбург 2004: 202].

«Научная личность В.Р. Розена принадлежит к весьма редкому типу всесторонне и гармонически раскрывающихся людей, – писал А.Ю. Якубовский. – Ученый, который доходил в анализе конкретного факта до работы чисто ювелирного характера, был

весьма склонен к самым широким научным гипотезам. Эта сторона научного творчества заслуживает не меньшего внимания, чем любовь его к критической разработке источников. В.Р. Розен умел и любил ставить большие и ответственные в научном отношении проблемы. Он прекрасно понимал, что развитие ориенталистики, увлеченной в те годы кропотливыми изысканиями в области отдельных конкретных вопросов, накопило к его времени такую сумму знаний <...>, цит. по [Неизвестные страницы П. 2004: 204], которая требовала масштабного обобщения.

В.Р. Розену принадлежат слова: «Мы не должны оставить жизнь раньше, чем не успеем создать настоящую, действительно научную школу русских ориенталистов, самостоятельных по существу дела и вместе с тем стоящих на плечах европейских ученых и при знающих рациональность выработанных Европой научных приемов» (письмо Розена Ольденбургу от 28.X./9.XI.1888 г.) [Розен–Ольденбург 2004: 227].

Этим словам в письме предшествует следующее высказывание В.Р. Розена. «В Университете ничего особенно нового нет. <...> Особенно на вост[очном] факультете, в сущности, никаких перемен не произошло, и там есть широкое поле для плодотворной деятельности, хотя бы и на немногих экземплярах человеческой расы» [Там же].

Как писал Самойлович, академики В.Р. Розен и К.Г. Залеман смогли «основать на факультете новую школу научного востоковедения, существующую поныне» [Самойлович 1923: 208].

Для понимания складывавшейся ситуации в научной жизни факультета восточных языков конца XIX – начала XX в. принципиально важные сведения содержатся в недавно опубликованной переписке В.Р. Розена – С.Ф. Ольденбурга. Так, из Парижа С.Ф. Ольденбург писал В.Р. Розену 13/15.I.1894 г.: «России необходимо широкое и глубокое знание Востока, то знание, которое не приобретается без крупной работы специалистов. У них должен быть центр, должно быть Восточное общество, и Вы во главе его. <...> Мы держимся сколько-нибудь на поверхности и пробиваемся немного вперед только благодаря тому, что у нас в России есть преданность и бескорыстность в занятиях наукой, чего здесь почти нет» [Розен–Ольденбург 2004: 283–284].

В ответном письме (от 26.I/7.II.1894, СПб.) В.Р. Розен делится своими соображениями по поводу «мечтаний» С.Ф. Ольденбурга: «Относительно Ваших соображений о будущем Р[усского] А[рхеологического] О[бщества]<sup>3</sup> <...> мне, правду сказать, немножко жалко стало разрушать часть Ваших мечтаний. <...> надо прежде всего быть самому убежденным, что из всего этого толк выйдет действительно. Я же этого убеждения не могу иметь прежде всего потому, что сам не могу себе тут доверять, не могу думать, что моих сил хватит. Не доверяя своим силам, я не доверяю и общей сумме наличных сил нашего ориентализма.

Рассчитывать на действительную поддержку я могу только со стороны своих учеников. Я им всем, и прежде всего и больше всего именно Вам, глубоко благодарен за ту поддержку, которую они мне оказывали до сих пор при ведении “Записок В[осточного] О[тделения]”. Я возлагаю на них весьма большие надежды и имею на это полнейшее право, но я думаю, что в их интересах, и в интересах самого дела, которому мы все служим, будет лучше, если этим молодым силам дать еще немножко окрепнуть и вместе с тем присоединить к тем еще несколько новых сил.

Дело стояло бы иначе, если бы решительно все наши ориенталисты были вполне одинакового образа мыслей. Но Вы знаете, что из далеко не особенно многочисленного персонала Радлов, Залеман, Лемм, Голенищев в счет не идут. Смирнов, Веселовский, Цагарели идут в счет только вполовину, из стариков работать способен только один Хвольсон, но он для нас тоже только фиктивная величина. С остающимся персоналом “Записки В[осточного] О[тделения]” вести можно недурно, улучшить их даже можно

<sup>3</sup> Издательским редактором пояснения раскрыты некорректно: «О будущем Р[оссийском] А[рхеологическом] О[бществе]», см. ниже в том же письме (с. 287): «<...> через два года будет юбилей Общества Археологического» (примеч. – Г.Б.).



смысло весьма порядочно, но "grosse Sprünge machen"<sup>4</sup> все-таки нельзя» [Розен–Ольденбург 2004: 285, 287].

Так было охарактеризовано соотношение сил в отечественном востоковедении в преддверии приближавшегося XX века.

Одним из тех «немногих» молодых ученых, на кого возлагал надежды В.Р. Розен, был В.В. Бартольд (упоминаний о нем очень много на страницах переписки В.Р. Розена – С.Ф. Ольденбурга). **Василий Владимирович Бартольд** (1869–1930) в 1887 г. поступил на факультет восточных языков С.-Петербургского университета по арабско-персидско-турецко-татарскому разряду. Научным руководителем Бартольда был профессор-арабист барон В.Р. Розен (1849–1908). Он проявлял о своем ученике истинно отеческую заботу, особенно когда тот во время своей первой экспедиции в Среднюю Азию (1893–1894) упал с лошади и сломал, по всей видимости, шейку бедра. В очередную экспедицию Бартольд попал только в 1902 г. – снова в Среднюю Азию, для ознакомления с рукописными памятниками. В Автобиографии Бартольд писал: «В области истории Востока, вследствие обилия никем еще не использованного материала, при чтении рукописей часто испытываешь такое же наслаждение пионера, открывающего новый мир, как при производстве раскопок на месте старых городов», цит. по [Петрушевский 1963: 17].

Еще во время учебы в университете Бартольд сблизился с тюркологом-языковедом П.М. Мелиоранским, с ними обоими приватно у себя на дому занимался В.В. Радлов; как полагал Бартольд, «<...> по своему знанию языка и бытовых условий Средней Азии он и теперь, как в то время, когда занимался с Мелиоранским и со мною, может быть полезен для всякого юного турколога» (письмо Бартольда Самойловичу от 17.X. <1906>). В некрологе П.М. Мелиоранского Бартольд особо отметил «тесные дружеские отношения, существовавшие между нами со времени нашего одновременного поступления в университет в 1887 г. <...> не могу <...> не вспомнить с благодарностью о том, чем было для меня товарищеское сочувствие покойного в тяжелое время моей жизни, особенно во время несчастья, случившегося со мной при моей первой командировке в Туркестанский край» [Бартольд 1976: 585].

После ранней смерти П.М. Мелиоранского (16.V.1906 г.) Бартольд фактически принимает на себя заботу и общее руководство любимым учеником Мелиоранского – А.Н. Самойловичем, инициативным, энергичным, талантливым. Столь же трогательно откликнулся на смерть Мелиоранского В.В. Радлов, выразив готовность заниматься приватно с Самойловичем (см. об этом в письме Бартольда Самойловичу от 17.IX. <1906>).

В сентябре 1906 г. В.В. Бартольд «как младший из наличного состава профессоров» (его письмо к Самойловичу от 17.IX. <1906>) был избран секретарем факультета восточных языков С.-Петербургского университета, став таким образом преемником Мелиоранского на этом посту (1906–1910). Из его лаконичных писем-записок к Самойловичу в этот период возникает возможность уточнить этапы организационно-административного прохождения младшим коллегой пути к его оформлению на преподавательскую деятельность в университете (факультет восточных языков).

Начав вести преподавание (в звании приват-доцента) на том же факультете в 1896 г. и сотрудничая в научных обществах и журналах, Бартольд главным своим делом считал исследовательскую работу. Он продолжал традицию изучения истории Средней Азии вслед за своими предшественниками – В.В. Григорьевым и Н.И. Веселовским. В 90-е гг. XIX в. на базе изучения множества первоисточников, по большей части не изданных, Бартольд создал капитальный труд «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» [Бартольд 1963]. Осенью 1900 г. он представил факультету восточных языков этот труд как диссертацию на соискание ученой степени магистра, однако был удостоен университетом высшей степени – доктора истории Востока. С 1901 г. Бартольд – экстраординар-

<sup>4</sup> Развернуться (нем.).

ный профессор, с 1906 г. – ординарный профессор С.-Петербургского университета. В 1910 г. его избрали членом-корр. АН, а в 1913 г. (12.X.) – академиком. С 1905 по 1912 г. он был секретарем Восточного отделения Русского археологического общества, с 1908 по 1912 г. – редактором «Записок Восточного отделения Русского археологического общества» (ЗВОРАО). Сотрудничал он также в Русском географическом обществе. Вместе с тем, выполняя завет своего учителя В.Р. Розена о создании «настоящей, действительно научной школы русских ориенталистов», В.В. Бартольд с 1909 г. был руководителем студенческого «Кружка ориенталистов» факультета восточных языков С.-Петербургского университета. В 1912 г. он стал одним из инициаторов создания и редактором научного журнала по исламоведению «Мир ислама». Бартольд был одним из двух секретарей созданного в 1903 г. Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии.

Научные поездки в Среднюю Азию для занятий в рукописных хранилищах или для проведения археологических работ совершались Бартольдом неоднократно. Курсы лекций по истории мусульманского мира (Ближний и Средний Восток), которые он читал в университетах Москвы, Баку (1924 г.), Стамбула (1926 г.), Ташкента (1925 и 1927 гг.), впоследствии были изданы.

Ведущее положение В.В. Бартольда в востоковедческой медиевистике получило признание в стране и за рубежом уже во втором десятилетии XX в. В 20-е годы В.В. Бартольд завершил работу по переводу огузского героического эпоса «Китаб-и Дедем Коркут» («Книга моего деда Коркута»), которая была начата еще в конце XIX в. Его перевод этого одного из интереснейших произведений тюркского эпоса был подготовлен к изданию и опубликован В.М. Жирмунским и А.Н. Кононовым в 1962 г., см. об этом [Кононов 1970а: 57, 59].

Наряду с серьезными и глубокими научными занятиями Бартольд вел и обширную научно-общественную деятельность, поддерживая связь с краеведами Средней Азии, принимая участие в Туркестанском кружке любителей археологии (1895–1917 гг.), сотрудничая в «Туркестанских ведомостях» и других местных органах печати.

Письмо В.Р. Розена к С.Ф. Ольденбургу от 6.I.1894 г. позволило уточнить, когда и как было положено начало научным контактам с ташкентскими коллегами. «От Бартольда имею весьма хорошее письмо. Он, по-видимому, орудует в Ташкенте молодцом и расшевеливает местное общество на славу. Вообще он совсем молодец»; и письмо Ольденбурга от 28.II/11.III.1894 г.: «От Бартольда получил на днях очень милое и бодрое письмо. Он отличный пионер для нас в Ташкенте. Право, мне кажется, что Ваши ученики поддержат Вас» [Розен–Ольденбург 2004: 282 и 292]. В результате активной «пионерской» деятельности Бартольда в Ташкенте (когда из-за несчастия с ногой он вынужден был там перезимовать) у него на долгие годы завязались живые связи с краеведами и востоковедами Средней Азии.

После Октябрьской революции его научно-организационная деятельность еще более расширилась. Он был постоянным председателем Коллегии востоковедов АН, участвовал в подготовительных работах по учреждению Среднеазиатского государственного университета в Ташкенте, выполнял многие правительственные поручения по созданию кафедр истории Востока, научных библиотек, рукописных хранилищ и музеев в республиках Востока. В 20-х годах Бартольд продолжал педагогическую работу в высших учебных заведениях Петрограда – Ленинграда. Он являлся руководителем Тюркологического кружка им. В.В. Радлова (с 1918 г.), а затем руководителем Тюркологического кабинета (1928–1930 гг.), который – после смерти его жены Марии Алексеевны Бартольд – был размещен в двух комнатах его квартиры и которому он предоставил в пользование свою личную библиотеку.

Возвращаясь к ситуации, сложившейся в русском востоковедении рубежа XIX–XX вв., подчеркнем особое значение научно-организаторской роли великих личностей, и в их числе **В.Р. Розена и С.Ф. Ольденбурга**, их мудрой, умело и настойчиво проводи-



мой кадровой политики – вопреки личным антипатиям. Воспользуемся свидетельствами переписки этих двух выдающихся ученых.

Осенью 1893 г. В.Р. Розен был назначен деканом факультета восточных языков. 19.IX/1.X.1893 г. он пишет С.Ф. Ольденбургу: «Спешу благодарить Вас за теплое отношение к моему назначению (кстати сказать, вчера подписанному министром)» [Розен–Ольденбург 2004: 256].

Широкий взгляд на отечественное востоковедение заставляет обоих ученых заботиться о новых кадрах и для китайского разряда. С.Ф. Ольденбург в письме к В.Р. Розену от 17–18/29–30.XII.1893 г. сообщает: «С [Д.М.] Позднеевым<sup>5</sup> виделся несколько раз. Мне показалось, что это большая рабочая сила, неглупый человек, с большими западными (в научном отношении) тенденциями, но семинарист с хитрецей <...>. Я не променял бы его на Бартольда, но если бы для него нашлось место, это было бы приобретение, и мне кажется, что и Ивановский (немного прибранный к рукам), и он могут отлично образовать переход к новому европейскому (в хорошем смысле) китайскому отделению» [Розен–Ольденбург 2004: 276]<sup>6</sup>. Ответ В.Р. Розена (письмо от 30.XII.1893/11.I.1894): «Позднеев [Д.М.] младший был у меня третьего дня и произвел на меня такое же выгодное впечатление, как и на Вас. Но Бартольда мы все-таки постараемся сохранить. Я думаю, что удастся их обоих пристроить так или иначе» [Там же: 279]. Будучи оставлен при С.-Петербургском университете «для подготовки к профессорскому званию по кафедре истории Востока», Бартольд в 1893 г. выдержал испытание на ученую степень магистра. В 1896 г., получив звание приват-доцента, он приступил к чтению лекций в С.-Петербургском университете. Одновременно он был привлечен к самой активной деятельности в редакции «Записок Восточного отделения РАО», о чем сообщает В.Р. Розену Ольденбург в письме от 9/21.VI.1896 г.: «Бартольд вошел в роль помощника редактора с полным рвением, и на него, я думаю, можно положиться»; 28–29.VI.1896 г. он извещает: «Я получил письмо от Бартольда, который, как видно, по уши в работе» [Розен–Ольденбург 2004: 304; 307].

Эти сведения С.Ф. Ольденбурга вносят дополнительный штрих в биографию В.В. Бартольда. Было известно, что с 1908 по 1912 г. он являлся «редактором “Записок Восточного отделения”», но тот факт, что Бартольда исподволь готовили к работе в должности главного редактора ЗВОРАО – в период, когда он выполнял функции «помощника редактора» (т.е. в современных терминах – заместителя главного редактора), оставался за пределами внимания биографов.

В письме от 6/19.II.1901 г. В.Р. Розен сообщает С.Ф. Ольденбургу о факультетских делах: «Медникова мы произвели в магистры 28 января. Надеюсь, что к Пасхе удастся его провести в и[сполняющего] д[олжность] профессора. Мелиоранского диспут откладывается из-за [В.Д.] Смирнова. Летом попробую Бартольда и Мелиоранского провести в профессора. Тогда я считаю свою миссию более или менее оконченной и можно будет подумать об уходе из деканов <...>» [Розен–Ольденбург 2004: 324]. «Мелиоранского диспут откладывается из-за [В.Д.] Смирнова» – имеется в виду (преднамеренная?) поддержка защиты Мелиоранским докторской диссертации («Араб филолог о турецком языке»), тем не менее защита, хотя и несколько позже, все же состоялась в 1901 г.

Поддержка В.Р. Розеном молодого, одаренного и целеустремленного тюрколога проявилась еще и в другом важном деле. Как писал Самойлович, именно турецкая часть (за исключением лексического отдела) упомянутого рукописного арабского сочинения о языках персидском, турецком и монгольском, «была списана еще в 1875 г. в Оксфорде

<sup>5</sup> Д.М. Позднеев (1865–1937) – китаист и японовед, окончил факультет восточных языков в 1893 г., находился в научной командировке в Лондоне, Париже, Берлине (1893–1894), в Китае (1896–1904), Японии (1905–1910). В 1896–1898 гг. преподавал в С.-Петербургском университете.

<sup>6</sup> А.О. Ивановский (1863–1903) – китаист, ученик В.П. Васильева, друг С.Ф. Ольденбурга. О том, как В.Р. Розен добился постановления факультета «поручить Ивановскому кафедре китайского языка», см. [Розен–Ольденбург 2004: 248–249].

бароном В.Р. Розеном, предоставившим затем издание и обработку этой рукописи П.М. Мелиоранскому. Не без влияния В.Р. Розена были предприняты П.М. Мелиоранским за границей и другие две работы: П.М. Мелиоранский списал большой отрывок из лондонской рукописи "Қысас ал-анбийә" Рабгузи (часть этого отрывка по четырем рукописям была напечатана в "Сборнике статей учеников проф. бар. В.Р. Розена") и исследовал в Лондоне же диван южнотурецкого поэта XIV в. Бурхан ад-дина Сивасского (отрывки напечатаны в "Восточных заметках")» [Самойлович 2005: 128].

При несомненном содействии декана факультета восточных языков В.Р. Розена и Бартольд, и Мелиоранский в том же 1901 г. были назначены экстраординарными профессорами, а ординарными профессорами первый стал в 1906 г., второй – еще в конце 1905 г. Бартольд и Мелиоранский считали себя учениками Розена и поддерживали его прогрессивные начинания на факультете восточных языков.

**Платон Михайлович Мелиоранский** (1868–1906), первый отечественный лингвист-тюрколог, по своим научным воззрениям примыкал к школе неограмматиков. В 1891 г. Мелиоранский, блестяще окончив курс на факультете восточных языков С.-Петербургского университета, был оставлен при кафедре турецко-татарской словесности для подготовки к профессорской деятельности; в это же время он продолжал занятия у В.В. Радлова. В 1894 г., после четырехмесячной заграничной командировки, во время которой он был занят изучением средневековых рукописей в библиотеках Оксфорда, Лондона, Парижа, Берлина, Мелиоранский приступил к чтению лекций на факультете восточных языков.

В 1894 и 1897 гг. выходит двумя частями его «Краткая грамматика казак-киргизского языка», на базе тех полевых материалов автора, которые были собраны им летом 1890 г. во время студенческой экспедиции в Оренбургскую губернию и Тургайскую область. Это яркий пример того, как результаты первого в истории тюркологии исследования грамматики казахского языка, пользуясь словами автора, были «изложены научно, руководствуясь современными лингвистическими методами» [Мелиоранский 1900а: 0162–0163]. Как писал Самойлович, «<...> П.М. Мелиоранский, благодаря своим недюжинным дарованиям, большому трудолюбию и безграничному интересу к своему предмету, поразительно быстро стал на мало кем из тюркологов достигнутую высоту современных лингвистических методов и взглядов <...>» [Самойлович 2005: 129]. Самойлович отмечает глубокое постижение диалектного языка своим учителем, который, объясняя особенности языка киргизов (т.е. казахов) Оренбуржья, предложил новаторское для тюркологии понятие «переходные говоры»: «Оренбургская губерния представляет из себя весьма интересное поле наблюдения для тюрколога, так как в ее смешанном татаро-башкиро-киргизском населении можно знакомиться не только с этими тремя наречиями, но местами и с различными переходными говорами» (цит. по арх. ед. «Труды научные взгляды и заветы П.М. Мелиоранского»: РНБ. Ф. 671. Д. 149. Л. 180б. – по поводу рецензии Мелиоранского на «Грамматику киргизского языка» В.В. Катаринского).

Занимаясь изданием, лингвистической и историко-филологической обработкой таких памятников тюркского средневековья, как Отрывки из дивана Ахмеда Бурхан ад-дина Сивасского; Сказание о пророке Салихе (из Қысас ал-анбийә Рабгузи); «Араб филолог о турецком языке»; «Араб филолог о монгольском языке»; «Шейбани-наме», Мелиоранский полагал, что «издание и исследование всего Қысас-и Рабгузи стоит на переди». Более того, «П.М. оговорился, что сам намерен со временем заняться этим изданием» (арх. ед. «Труды, научные взгляды и заветы П.М. Мелиоранского», Л. 4).

«Памятник в честь Кюль-Тегина» (рунического письма) – текст, транскрипция, перевод и комментарии историко-этнографического и лингвистического характера – составили предмет его магистерской диссертации, защищенной в 1899 г. Объектом же докторской диссертации явилось сочинение «Араб филолог о турецком языке» (форма публикации та же [Мелиоранский 1900б]), защищена в 1901 г. Как писал В.В. Бартольд в некрологе П.М. Мелиоранского (а затем изложил с разъяснениями в письме к Самойловичу от 17.IX. <1906>), «для развития тюркологии одиннадцатилетняя деятельность



Мелиоранского была полезнее, чем сорокалетняя деятельность его предшественника по кафедре» – И.Н. Березина.

Безвременная кончина П.М. Мелиоранского нанесла ощутительный урон не только тюркологии, но и отечественному востоковедению в целом, нарушив, в частности, баланс противостоящих сил.

Во всяком случае, еще в 1901 г. (письмо С.Ф. Ольденбургу от 6/19.II.1901 г.) В.Р. Розен, развивая тему своего «ухода из деканов», вспоминает о противостоянии, с одной стороны, представителей научного востоковедения, которые при декане В.Р. Розене, по всей видимости, имели определенное влияние в существовавших тогда на факультете восточных языков «режиме» и «кабинете» (т.е. в административно-организационных структурах факультета), а с другой – их противников (которых Розен в своем письме обозначает условно: «старые - »): «Большая, впрочем, вероятность в пользу того, что мы оба еще раньше или сойдем с ума, или будем побиты по постановлению сходки и с одобрения (негласного, конечно) гг. членов Совета. В обоих этих случаях мы будем избавлены от необходимости еще дальше плясать по дудке юных мерзавцев, постановляющих и приводящих в исполнение забастовку и обструкцию при аплодисментах старых - <sup>7</sup>, мечтающих таким способом достигнуть перемены "режима" или "кабинета"!» [Розен–Ольденбург 2004: 324]. В этих условиях новая научная школа востоковедов и ее глава В.Р. Розен нуждались в поддержке, прежде всего – учеников (внутри факультета, см. слова С.Ф. Ольденбурга в письме Розену от 28.II/1.III.1894 г.: «Право, мне кажется, что Ваши ученики поддержат Вас») [Там же: 392].

Одним из тех, кому претила приверженность молодых русских востоковедов западному влиянию, их стремление уравнивать отечественную новую школу востоковедения с западноевропейской в отношении применяемых новых методов (как писал А.Н. Самойлович), был В.Д. Смирнов. Самойлович причислял его к школе Казем-бека, ученики которой и прежде всего И.Н. Березин оказались в тени, будучи слишком связаны «с отжившей эпохой – средневековьем нашей науки».

**Василий Дмитриевич Смирнов (1846–1922)** «в Астрахани окончил духовное училище, а семинарское образование получил в Перми, откуда в 1865 г. переехал в Петербург, следовательно, около 20 лет провел на границе Запада и Востока, прежде чем появился типичным бурсаком для получения высшего образования в наиболее европейском из городов России. Отец В.Д. был сначала сельским псаломщиком, а затем диаконом и умер, когда сыну было всего 8 лет. Только человек недюжинной воли, выдающихся способностей и высокого рвения к знанию и к лучшей жизни мог в положении неимущего сироты, каким был В.Д., преодолеть все трудности и невзгоды на пути от бедного материальными средствами, учителями и учебными пособиями Астраханского духовного училища до профессорской кафедры столичного университета» [Самойлович 1923].

«Как и Березин, В.Д. прошел исключительно русскую школу востоковедения в ту пору, когда она еще не сравнилась с западноевропейской в отношении научных методов. <...> до конца жизни <он> позволял себе с большей или меньшей серьезностью оспаривать положительное значение западноевропейских приемов филологических разысканий» [Самойлович 1923: 207].

Приведем также принципиально важные строки А.Н. Самойловича из некролога В.Д. Смирнова, где В.Д. и его «университетские товарищи» противопоставлены не столько по социальному происхождению, сколько по их принадлежности к различным школам отечественной ориенталистики: «Университетскими товарищами В.Д. были барон В.Р. Розен и К.Г. Залеман, впоследствии – академики, которые пришли на факультет восточных языков совершенно из другой среды, чем В.Д., и со значительно иной, чем он, подготовкой, которые смогли, в отличие от В.Д., усовершенствовать свое образование в Западной Европе и затем *основать на факультете новую школу научного*

<sup>7</sup> Так в тексте письма (примечание Публикаторов).

исследования, существующую понимание. В лице незабвенного В.Д. Смирнова сошел в могилу <...> последний богатырь, имеющий свои несомненные заслуги *старой школы российского востоковедения*, крупнейший из туркологов-османистов России, пользовавшийся известностью и в Западной Европе» [Самойлович 1923: 208] (курсив наш. – Г.Б.).

В.Д. Смирнов закончил факультет восточных языков в 1871 г. с золотой медалью. В 1873 г. защитил магистерскую диссертацию на тему «Кучибей Гёмюрджинский и другие османские писатели XVII века о причинах упадка Турции»; в том же году утвержден в звании доцента факультета восточных языков С.-Петербургского университета по кафедре турецко-татарской словесности, на которой в течение 49 лет преподавал турецкий язык, историю турецкой литературы и некоторое время историю Турции. В 1887 г. защитил докторскую диссертацию «Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века». С 1884 г. назначен экстраординарным профессором, с 1888 г. – ординарным профессором турецко-татарской словесности, с 1898 г. – заслуженным ординарным профессором. Был секретарем Восточного отделения Русского Археологического общества (ВОРАО). Принято считать, что В.Д. Смирнов своими трудами создал в русской тюркологии самостоятельное турковедческое направление.

В своей преподавательской деятельности проф. Смирнов далеко не беспристрастно относился к своим ученикам и бывшим студентам, особенно к тем, кто мог бы каким-то образом вступить в конкуренцию с ним, например А.Н. Самойлович, – касательно чтения курса «турецко-татарская словесность». Об этом совершенно откровенно писал Самойловичу В.В. Бартольд в письме от 17.IX. <1906 г.>: «<...> Вы сами знаете, что в лице В.Д. Смирнова у Вас будет не слишком доброжелательный критик Ваших работ и что достоинство последних должно быть настолько очевидно, чтобы его поневоле должен был признать и самый придирчивый судья. Самолюбие В.Д. еще более чувствительно, чем прежде <...>».

«1912–1914 годы А.Н. Самойлович работает над <магистерской> диссертацией, защита которой, как известно, была осложнена отрицательным отношением к ней его непосредственного учителя – османиста проф. В.Д. Смирнова, давшего отрицательный отзыв и отказавшегося быть оппонентом» [Баскаков 1973: 87].

О роли В.Д. Смирнова Самойлович сообщил Гордлевскому (18.XI.1914 г.) лаконично: «28 марта <1914 г.> я подал на факультет свою диссертацию <...>, – и вот только 22 ноября, т.е. через 8 месяцев, факультет заслушает отзыв о ней проф. В.Д. Смирнова и делает соответствующее постановление. По слухам, отзыв будет “резко отрицательный”. <...> Отзывы академиков Радлова, Залемана, Бартольда, Коковцова – совершенно обратные Смирнову. Так разве тут разберешь что-нибудь?» [Баскаков 1973: 87]. В письме от 13.I.1915 г.: «Мой диспут назначен на воскресенье 18 января»; в письме от 20.I.1915 г.: «Благодарю за поздравление. Голосовало 6. Из них 2 воздержались (Жуковский и Иванов). Остальные (академики: Бартольд, Марр, Коковцов, проф. Щербатской) – за. Смирнова не было. Всыпали здорово и поделом. Не побрезговали и опечатками» [Там же]. На защите присутствовал Н.А. Бобровников (1854–1921), приемный сын Н.И. Ильминского, продолживший его просветительскую деятельность; в письме от 19.I.1915 г. он поздравляет Самойловича «с удачной защитой Вами Вашей диссертации» и делится с ним впечатлениями о защите: «...хочу отметить, что Ваша сдержанная, мягкая манера обращения к преподавателям и ученым, у которых учились сами, весьма располагают в Вашу пользу. Я не дослушал диспута и не знаю, как окончилась речь частного оппонента. <...> В общем диспут произвел на меня тяжелое впечатление: он показал, как трагична у нас ученая работа, каких невероятных трудов требует получение ученых степеней» (ПФАРАН. Ф.782. Оп. 2. Д. 8).

А.Н. Самойлович не был злопамятен. В письме к С.Е. Малову, предположительно датированном нами осенью 1922 г. (Смирнов умер 25.V.1922 г.), он сообщал: «Сейчас пишу для “Востока” некролог незабвенного нашего Василия Дмитриевича <Смирнова>, с которым я в последние годы находился в самых дружеских отношениях». Одна из причин этого – происшедшее в старости «смягчение в его характере» [Самойлович 1923: 209].



Мотивы противостояния находим также в письмах молодого тогда арабиста И.Ю. Крачковского, ученика В.Р. Розена, за период 1905–1912 гг. И.Ю. Крачковский болезненно реагировал на критику факультета восточных языков, в которой «иногда бывает много дельного и справедливого» и прежде всего – по части консервативности практического преподавания восточных языков их носителями. В письме к Самойловичу от 23.VII. <1905 г.> он писал: «Я почему-то ужасно люблю наш факультет, а ведь сколько нападок приходится на него выслушивать! И добро, когда нападки бывают глупы и исходят от “черни непросвещенной” – плюнешь на них и успокоишься, а ведь иногда бывает много дельного и справедливого. Тогда-то и становится подчас обидно, особенно если сравнить с другими факультетами. Неужели же этого нельзя хоть несколько изменить, вдохнуть хоть немного “духа жива”? Воля Ваша, я с этим не желаю мириться и не желаю отказываться от надежды видеть Вас первым в этой области. В таком случае и всякие антропангелия<sup>8</sup> не являются помехой, так как они придают только широту взгляда, которой подчас у многих из нас и наших му’аллимов не видно из-за многочисленных масдаров<sup>9</sup>».

В более позднем письме – от 26.VII.1911 г. – Крачковский пользуется «терминологией противостояния»: «Из нашего лагеря здесь теперь никого нет: Хашабы в конце концов уехали в половине июня, и имею от него открыточку из Александрии. Даже Медников и тот (в начале июля, правда!) кончил составлять обозрение преподавания, на что была плохая надежда, и отбыл в Евпаторию». Лектора-сирийца Антония Феодуловича Хашаба Крачковский постоянно расспрашивал о Сирии, имея в виду предстоящую научную поездку в эту страну. Н.А. Медников был в науке, по оценке Крачковского, *homo unius libri* («человек одной книги») – всю жизнь «незаметно и настойчиво трудился над большим научным предприятием» (ПФАРАН. Ф. 1026. Оп. 1. Д. 322. Л. 1) – капитальным сводом «Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов»; Медников принадлежал к числу тех ученых, «у которых, к сожалению, книги выше их самих» (ПФАРАН. Ф. 1026. Оп. 1. Д. 322. Л. 16об.), цит. по [Долинина 1994: 35].

Характерно, что через три года – в письме к Крачковскому от 26.VI.1914 г. – Самойлович сообщает: «Раз был у Хашаба и сильно в том раскаиваюсь: видимо, в душе он нас, “приват-доцентов”, не выносит окончательно, а посему язвит невыносимо». Справедливость наблюдения А.Н. Самойловича вскоре подтвердилась (см. ниже).

17/30.V.1915 г. состоялась защита магистерской диссертации И.Ю. Крачковского по его монографии: «Абу-л-Фарадж ал-Вава Дамасский. Материалы для характеристики поэтического творчества» (Пг., 1914). Монография содержала критическое издание текста дивана с примечаниями и вариантами, полный перевод на русский язык и капитальное исследование, сочетавшее в себе традиционный филологический, историко-литературный и литературно-эстетический подходы к тексту, с выходом к общим вопросам теории литературы. Официальные оппоненты – А.Э. Шмидт и Н.А. Медников – высоко оценили работу Крачковского. Шмидт особо отметил ее новаторство: Крачковский первым попытался применить к изучению одного из памятников арабской поэзии методы, выработанные европейской наукой, и тем самым вовлечь арабскую поэзию «в круг тех материалов, из которых должны быть построены общие законы эволюции поэтических форм»; столь же новаторским для отечественной арабистики было стремление соискателя исследовать творчество поэта в неразрывной связи с социальной средой и с развитием теоретической мысли, цит. по [Долинина 1994: 138].

Неожиданно резким диссонансом прозвучало выступление лектора арабского языка А.Ф. Хашаба. В.А. Крачковская вспоминает об этом эпизоде так: «Речь Хашаба звучала отнюдь не дружелюбно, несмотря на то, что за предшествующие годы товарищеские отношения диссертанта с оппонентом не прерывались. А.Ф. Хашаб очень резко и при-

<sup>8</sup> Человеколюбие (благотворительность, меценатство).

<sup>9</sup> Учителя (араб.). Масдары – вербоиды (нефинитные формы глагола), совмещающие некоторые черты и грамматические категории глагола с чертами именных частей речи (араб.).

странным критиковал издание дивана аль-Вава, хотя И.Ю. в процессе подготовки в затруднительных случаях часто с ним советовался, и А.Ф. тоже не мог разобрать темные места. Недружелюбный тон особенно возмущал тех присутствующих, которые были знакомы с изданным текстом и вполне владели арабским языком. <...> Большая часть членов <Совета> факультета сохраняли полное спокойствие, но два маститых профессора относились явно одобрительно к выступлению А.Ф. Хащаба, утвердительно покачивая головами; это были сидевшие справа от стола В.А. Жуковский и В.Д. Смирнов». Совет факультета единогласно присудил Крачковскому степень магистра. Этой работой было положено начало русского арабистического литературоведения как самостоятельной дисциплины [Долинина 1994: 139–140, 141].

**Игнатий Юлианович Крачковский** (1883–1951) – сын известного этнографа Юлиана Фомича Крачковского, председателя Виленской археологической комиссии и Этнографического музея (1866–1896), директора Полоцкой учительской семинарии в 70-е годы и назначенного директором Ташкентской учительской семинарии в 1884 г. И.Ю. Крачковский был выпускником факультета восточных языков С.-Петербургского университета (декабрь 1905 г.) и оставлен при университете для подготовки к профессорской деятельности. До защиты магистерской диссертации был преподавателем и приват-доцентом (1910 г.) по специальности «арабская словесность», а впоследствии стал штатным доцентом факультета восточных языков, сотрудником Азиатского музея, членом ряда российских и зарубежных научных обществ. Доктор филологических наук (9.XI.1921 г., без защиты), профессор (12.VIII.1921 г.). В 1921 г. избран действительным членом Российской академии наук. Заведовал Арабским кабинетом (1916–1951 гг.), заведовал кафедрой арабской филологии восточного факультета ЛГУ. Издано около 500 его научных работ в различных областях арабистики – арабское языкознание, источниковедение, история арабской литературы средневековой и новой, художественной и научной, вспомогательные дисциплины, история арабистики.

Как писал А.Э. Шмидт И.Ю. Крачковскому к 25-летию его научной деятельности (октябрь 1929 г.), «<...> окончательно и по-настоящему наша русская арабистика выплыла из родного порта в широкое море мировой науки только благодаря Вашим трудам. <...> Вам за эти 25 лет, несмотря на многие отягчавшие работу условия, все же удалось работать, удалось двинуть вперед многие отрасли Вашей родной специальности. <...> Вы обросли кружком молодых научных сил, которые, надо надеяться, смогут все вместе продолжать Ваше дело <...>» (цит. по [Долинина 1994: 245]). И.Ю. Крачковский был признанным главой новой русской арабистической школы.

А.Н. Самойлович умел собирать вокруг себя одаренную молодежь различных специализаций. В числе таковых был и **Борис Яковлевич Владимирцов** (1884–1931), европейски образованный монголист, получивший широкую и систематическую подготовку – теоретическую и практическую. В 1904 г. он поступил на факультет восточных языков по китайско-монголо-маньчжурскому разряду; следующий – 1905–1906 учебный год – он обучался в Париже, посещал лекции и практические занятия в Школе живых восточных языков (L'Ecole des langues Orientales Vivantes, ныне L'Institut national des langues et civilisation orientales), а также в Сорбонне (Парижский университет) и в College de France. Осенью 1906 г. он перешел на вновь открывшийся монголо-маньчжуро-татарский разряд факультета восточных языков, который окончил в 1909 г. Здесь, кроме обязательных курсов, слушал также лекции по истории русского языка у А.А. Шахматова, по общему языкознанию у И.А. Бодуэна де Куртенэ, по философии у А.И. Введенского; вместе с группой ориенталистов посещал занятия, проводившиеся В.В. Радловым на дому. Во время научной командировки в 1912 г. слушал в Париже лекции по общему языкознанию у А. Мейе, по синологии и монголистике у П. Пеллио и Э. Шаванна; летом того же года занимался в Британском музее (Лондон).

Б.Я. Владимирцов сформировался как полевой исследователь в самой широкой степени, начав с научных поездок еще студентом (1907 г. – Астраханский край; 1908 г. – Западная Монголия) и продолжая в последующие годы систематическую экспедиционную



дельность. Степень магистра монгольской и калмыцкой словесности он получил в 1911 г. Осенью 1915 г. после утверждения в должности приват-доцента факультета восточных языков читал курс по монгольскому языку. Участвовал в организации Петроградского – Ленинградского института живых восточных языков (с 1927 г. – Ленинградский восточный институт). Руководил монгольской кафедрой и монгольским семинарием до конца своих дней. Научный сотрудник Азиатского музея – Института востоковедения АН СССР (1915–1931 гг.); членом-корр. избран в 1923 г., действительным членом АН СССР – в 1929 г.

Большому основному труду Владимирцова по монгольским языкам – «Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия» – не пришлось увидеть завершения: появился первый том «Введение и фонетика» (Л., 1929); продолжением должны были стать разделы морфологии, синтаксиса и семантики. Как фольклорист Владимирцов известен книгами: «Монгольско-ойратский героический эпос» (Пг.; М., 1923) и «Образцы монгольской народной словесности (Северо-Западная Монголия)» (Л., 1926), как историк – монографией «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм» (Л., 1934) и переведенной на французский, английский, турецкий языки научно-популярной книгой «Чингис-хан» (Берлин; Пг.; М., 1922); им были выпущены также книги и ряд статей по литературоведению. См. о нем как о тюркологе [Кононов 1984].

**Сергей Ефимович Малов** (1880–1957), ровесник и младший коллега Самойловича по факультету восточных языков, получил духовное образование, но после окончания Казанской духовной академии (1904 г.) поступил на арабско-перидско-турецко-татарский разряд факультета восточных языков.

Обстоятельства формирования молодого ученого в силу раннего осознания жизненной цели, а также других его качеств – складывались весьма своеобразно. «Занятия турецким языком и литературой под руководством видного османиста проф. В.Д. Смирнова <...> не вполне удовлетворяют Сергея Ефимовича: интересы его гораздо шире, чем то, что могла дать университетская программа» – «желание изучить тюркские языки, или как тогда называли, турецкие наречия, народов, живущих на необъятных просторах России» [Тенишев 2005: 72]. Своего «духовного учителя» Малов нашел в лице В.В. Радлова. Глава новой тюркологии обучал молодых тюркологов новым исследовательским методам и подходам к изучению тюркских языков, осознанно спланировал вокруг себя талантливую молодежь. Он, в частности, оказал решающее влияние на формирование полевой методики у Катанова, в своей «Автобиографии» тот писал: «у Радлова же я учился новой точной науке – тюркской фонетике, основание которой положил акад. О.Н. Бётлингк в труде “Об языке якутов”»; цит. по [Иванов 1973: 97]. С Маловым Радлов занимался преимущественно тюркскими языками Алтая. «Магистрант Малов» назван среди «лиц, собравшихся на квартире у академика Радлова, чтобы выслушать его сообщение о чувашском языке» (письмо Самойловича от 27.IX.1916 г.). «В этой благоприятной творческой среде складывался и развивался тот точный и отчетливый метод лингвистического анализа, который Сергей Ефимович блестяще применял в своих дальнейших работах» [Тенишев 2005: 72].

Говоря о формировании исследовательской методики Малова, нельзя не упомянуть о влиянии, которое оказал на него Н.Ф. Катанов. С.Е. Малов, учившийся в Казанской духовной академии, до конца дней своих сохранил записи лекций, которые слушал у Катанова (ПФАРАН. Ф. 1079. Оп. 3. Д. 121) [Кокова 1993: 60]. Здесь необходимо подчеркнуть, что полевая методика Катанова вырабатывалась во время его четырехлетней научной командировки в Восточную и Западную Сибирь, Северную Монголию, Джунгарию и Китайский Туркестан (1889–1892), как сам он пишет в Автобиографии, «благодаря точным и подробным указаниям, которыми снабдили меня мои руководители (В.В. Радлов, Н.И. Веселовский и И.Н. Березин)», цит. по [Иванов 1973: 97]. Сохранилось свидетельство А.Н. Самойловича, насколько он сам и П.М. Мелиоранский ценили выработанную Катановым методику: «Когда в 1902 году я отправился в первую на-

учную командировку к туркменам, мой учитель проф. П.М. Мелиоранский порекомендовал мне вместо программы познакомиться с "Письмами Н.Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана" [Самойлович 1924].

Н.Ф. Катанов содействовал продвижению в печать среди многих других работ также раннего исследования С.Е. Малова (о мишарях) [Иванов 1973: 49]. В конце 1916 г., когда Малов возвращается в Казань, выдержав магистерские экзамены в С.-Петербургском университете, Катанов содействует его преподавательской работе в Казанском университете.

В.В. Радлов как председатель Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии сыграл особую роль в командировании Малова летом 1908 г. (т.е. еще в его студенческие годы) за счет комитета к шорцам и тувинцам Томской губернии, а сразу по окончании университета в Китай – в 1909–1911 гг. и в 1913–1915 гг. Видимо, как никто другой В.В. Радлов смог оценить деловые качества молодого ученого – его целеустремленность, беспримерное упорство в достижении поставленной цели, знание татарского, знакомство с языками и диалектами томских, чулымских, кузнецких татар и телеутов.

За годы двух научных экспедиций в Китай Малов собрал большой материал по языку, фольклору и этнографии желтых уйгуров, лобнорцев и хамийцев, а также саларов. Найденная им в 1910 г. уникальная уйгурская рукопись сутры «Алтын јарук» впоследствии была издана совместно В.В. Радловым и Маловым (1913–1917 гг., восемь выпусков, уйгурский шрифт).

С.Е. Малов прославился своими двумя экспедициями в Китай. «Материалы двух поездок его были так разнообразны и богаты, что обработкой их он занимался в течение всей своей жизни, вплоть до <...> 1957 г.» [Тенишев 2005: 74].

В 1917–1922 гг. Малов работал в Казани (нумизматический кабинет Казанского университета, Северо-Восточная консерватория, Восточный пединститут), а с 1923 г. – в Петрограде. Как можно видеть из Переписки «А.Н. Самойлович и С.Е. Малов», в трудоустройстве Малова на штатную преподавательскую должность в ПИЖВЯ (ЛИЖВЯ) ему очень помог Самойлович, который позаботился также о решении жилищного вопроса (Малов поселился в том же доме № 23 по Ропшинской ул., в котором жил А.Н. Самойлович с семьей). По-видимому, не без содействия Самойловича (см. его письмо к Малову от 24.III.1922 г.) в том же 1923 г. Малов занял должность профессора. Малов преподавал также в ИЛАЗВ, ЛВИ, в Институте кадров ГАИМК, Институте народов Севера, ИКП и ЛГУ. Доктор языковедения (1935 г.), профессор (1923 г.), научный сотрудник Института языка и мышления – Института языкознания АН СССР (1934–1957 гг.). Избран членом-корр. АН СССР в 1939 г.

И.Ю. Крачковский провидчески (первым!) углядел в А.Н. Самойловиче будущего лидера молодых. См. его письмо к Самойловичу от 2.VII.1905 г.: «Напрасно у Вас ёкает сердце от предстоящих экзаменов: раз можете писать по шести писем в вечер, значит, не утратили работоспособности, заставлявшей признать Вас "большой рабочей силой", а с ней Вы превзойдете не только все свойства фамилии Böhthlingk'a, но и содержания его труда. Помните, что на Вас глядят если не 40 веков, то все старые и юные ориенталисты, из которых последние, быть может, возлагают на Вас больше надежд, чем их почтенные му'аллимы. Посему подбодритесь, если Вы и впрямь несколько "ослабели", и "не посрамите земли русской", так как именно теперь настает время настоящей борьбы со всякого рода инородческими элементами, которые мнят нас раздавить»; см. также следующее его письмо к Самойловичу – от 23.VII.1905 г.: «А Вы это напрасно, великий туркменист, начинаете что-то напирать на теорию "не первый и не последний"! Ведь этак не трудно и по течению поплыть, до непротивления злу дойти, а в результате превратиться в одного из Смирновых, Медниковых etc. А это, знаете ли, слабо! Штука именно в том, чтобы стать первым (а последним тогда Вы уж ни в коем случае не будете) и доказать, что и здесь можно сделать то, что Вы думаете».

Характерно, что мысль о лидерстве А.Н. Самойловича высказывалась И.Ю. Крачковским еще при жизни первого лингвиста-тюрколога П.М. Мелиоранского. С безвре-



менной смерти этого учителя Самойловича существовавшее соотношение сил, «молодых» и «старых», в отечественном востоковедении нарушилось; появилась необходимость в новом лидере тюркологии. Объективно эти обстоятельства определяли лидера, подготавливали базу для выдвижения в качестве лидера А.Н. Самойловича – человека, умевшего мыслить теоретически, успевшего уследить за ходом востоковедной науки вообще и взаимоотношений ее отраслей (тюркологии, монголоведения, иранистики, арабистики). Чтобы стать лидером, нужно было обладать незаурядным творческим потенциалом (а он создавался благодаря большому массиву материала, самостоятельно собранного и самостоятельно проанализированного) и вместе с тем быть той «большой рабочей силой», которая умело сочетала бы в себе глубину и тщательность всесторонне продуманного исследования и научно-организаторские таланты. Нужна была большая творческая работа. В своих первых письмах Бартольд – от 1.IX.1906 г. и 8.XII.1906 г. – Самойлович фактически дает предварительный отчет о своей второй полевой экспедиции в Туркмению с перечнями разнообразных собранных им материалов (ср. подготовленные им в 1907 г. «Отчеты о поездках в Среднюю Азию. Автограф, чернилами и карандашом. 1906–1907»: РНБ. Ф. 671. Д. 31).

Научное творчество Самойловича характеризовалось тем, что он вел, можно сказать, параллельно исследования, с одной стороны, живых современных тюркских языков и диалектов (записывая попутно фольклорные материалы), а с другой – старинных рукописей среднеазиатско-тюркской литературы, общепризнанным знатоком которых он стал.

При изучении живых языков он опирался на «здоровые начала современного научного языкознания», которые в его время и по его словам еще недостаточно применялись в востоковедении не только России, но и Запада. Им составлены грамматики крымско-татарская, османско-турецкая (обе изданы, последняя переиздана репринтом [Самойлович 2002]) и узбекская (по-видимому, безвозвратно утрачена).

Систематическое исследование старинных рукописей, которое, по убеждению Самойловича, должно предшествовать переводу и изданию изучаемого текста, позволило ему разработать специальную комплексную методику. При использовании этой методики в его богатой эдиционно-исследовательской практике ученым заложена основа научного анализа средневекового тюркского текста и этим внесен существенный вклад в медиевистику в целом (см. [Самойлович 2005: 360]; см. еще [Благова 2000]). Все это в совокупности открывало выход к масштабной научной перспективе.

Можно предположить, что именно напряженная творческая, исследовательская работа помогла А.Н. Самойловичу ощутить себя способным на лидерство в востоковедении.

Самойлович был убежден, что «весьма важная часть деятельности ученого <...> состоит в организации научных сил и в использовании для научных целей возможно широкого круга лиц» [Самойлович 1925: 167].

Для Самойловича научная переписка с коллегами становится средством объединения востоковедов-единомышленников. Из его письма к В.А. Гордлевскому от 2.X.1908 г. становится известно, как завязалась переписка между этими двумя молодыми тюркологами. «Я получил Ваше письмо как раз на другой день после беседы, которую имел с Н.Н. Мартиновичем на ту же тему, что мне весьма желательно завязать прочные связи с московскими тюркологами, для какой цели я склонен был бы прямо проехать в Москву. Я с большим удовольствием, значит, узнал из Вашего письма, что желания наши встретились, и известие о Вашем скором приезде в Петербург меня очень обрадовало» [Баскаков 1973: 84]. Как писал Н.А. Баскаков, «приводимые ниже письма А.Н. Самойловича к В.А. Гордлевскому наглядно свидетельствуют о той готовности, с которой ученые информировали друг друга о своей работе, взаимно консультировались, стремясь к объединению усилий для развития отечественной тюркологии» [Баскаков 1973: 84].

Своей научной переписке Самойлович придавал огромное значение; в письме к Гордлевскому от 7.X.1915 г. он писал: «Вы не можете себе представить, какая у меня охота побеседовать с Вами. Ваше молчание вышибает целое звено в цепи моего обще-

ас с туркологами, и тюркологический ток прерывается. Ведь этого не должно быть! Нас мало, и мы должны непрерывно держаться за руки! Откликнитесь же, дорогой коллега!» [Баскаков 1973: 90].

У Самойловича был свой «архив корреспонденции», который, судя по его письму к Н.И. Ашмарину от 9.III.1924 г., а также по высказыванию о его переписке с Н.Ф. Катановым [Самойлович 1924], он вел достаточно аккуратно: по крайней мере, все письма его респондентов были под рукой, и он мог сказать, сколько писем от того или иного ученого он получил и в какое время. На ряде писем его респондентов проставлена пометка «отвечено» и дата ответа. В своих письмах Самойлович откровенно пишет о своей текущей работе, своих творческих планах и ждет такого же откровенно заинтересованного ответа от респондента.

Летом 1913 г. Самойлович совершил первую научную поездку в Западную Европу – Будапешт, Вена, Берлин, Париж; особенно плодотворными были его изыскания в Парижской национальной библиотеке, где он открыл рукопись Дивана Бабура и рукопись «Хусрау ва Ширин» Кутба. На протяжении этой поездки Самойлович, по всей видимости, имел возможность широко и активно общаться с западноевропейскими востоковедами, и одним из его заветных мечтаний стала идея о конгрессе (съезде) тюркологов.

Сообщая в письме к В.А. Гордлевскому от 29.VIII.1913 г., что он ждет в гости нового знакомого «J. Deny из Парижа» (который, судя по письму Владимирцова к Самойловичу от 23.IX.1912 г. тогда «хотел бы войти в сношения» с Самойловичем), Самойлович приглашает к себе и Гордлевского с тем, чтобы совместно обсудить вопрос о конгрессе: «В середине сентября жду в гости J. Deny из Парижа <...>. Вам бы тоже было хорошо прикатить в Питер, устроили бы репетицию конгресса тюркологов, о конгрессе я мечтаю, <...> идея которого встречает сочувствие на Западе» [Баскаков 1973: 88]. Как писал Н.А. Баскаков, «по-видимому, после посещения Петербурга французским тюркологом Ж. Дени и беседы с ним мысль о созыве международного конгресса тюркологов была отложена: “Моя мысль о съезде тюркологов, можно сказать, пока полу-шутка. Deny прогостил у меня неделю и уехал к родоплеменникам в Киев” (7 октября 1913 г.)»; по мнению Н.А. Баскакова, «создание международного объединения тюркологов не удалось реализовать, скорее всего, из-за вспыхнувшей в 1914 г. войны» [Там же].

Через десятилетие – уже после Октябрьской революции и фактически в другой стране – в советской России – Самойлович вновь вернется к идее тюркологического съезда, который, естественно, будет иметь и другой статус (не международный, а всесоюзный), и совершенно иные, новые целевые установки.

Пока же А.Н. Самойлович прилагает усилия, чтобы реализовать другую давнишнюю свою идею, связанную с объединением отечественных тюркологов. «Давнишняя моя идея объединить русских тюркологов начинает, по-видимому, осуществляться: по моей инициативе 12 сентября основан на квартире Радлова частный кружок “алтаистов” (турецко-монгольско-маньчжурский); его задачи: объединение научной работы, установление планомерности, подведение итогов, выработка программ, коллективная разработка вопросов, превышающих единичные силы. Были: Радлов, Котвич, Руднев, Штернберг, Владимирцов и я» (14.IX.1915 г.); «Завтра третье заседание кружка алтаистов. Пригласил к нам еще Бартольд. Будем разбирать работу Рамстедта о монгольском местонахождении. <...> Предполагается издание справочника о русских монголистах, тунгусистах и тюркологах (без различия национальностей и пр.). Радлов страшно увлекается кружком и недоволен, что редко собираемся (1 раз в месяц) (8.XI.1915)» [Баскаков 1973: 88, 89].

Само существование кружка алтаистов способствовало распространению «духа жизни» в русском востоковедении и сплочению «молодых» сил. Как писал Самойлович 8.XI.1915 г.: «Факультет оживает все сильнее и сильнее, живем дружно кругом “молодых” разных возрастов» [Там же: 89]. После смерти В.В. Радлова кружок алтаистов, которым он был так увлечен, был преобразован в Радловский кружок [Кононов 1970б: 16–17], его председателем стал В.В. Бартольд.



К началу 20-х годов, судя по высказываниям в письмах Самойловича и к Бартольд, и к Крачковскому, а также по заявлениям в печати, в отечественном востоковедении завершилось становление и утверждение новой, теоретическо-научной школы. В «Записке об учреждении Института живых восточных языков» [Справочные сведения 1920–1923 гг.: 56], где излагалась предыстория учреждения «школы практического востоковедения» (ПИЖВЯ, позднее ЛИЖВЯ), речь шла о «создании Института живых восточных языков при самом *рассаднике теоретическо-научного востоковедения в России*, т.е. при Факультете восточных языков Первого Петроградского университета» (курсив наш. – Г.Б.). Самойлович писал Крачковскому: «<...> Петроград остается конечной моей целью, пока он является единственным серьезным центром Российского востоковедения» [из письма Самойловича Крачковскому от 26.I.1921 г.]; позднее – в письме к Бартольду: «А я свылся с мыслью, что Петроград является единственной в мире по мощности твердыней ориентализма, и только в силу этого убеждения решительно отвергал и отвергаю настойчивые и в некоторых отношениях заманчивые предложения перекочевать из этого города <...> в иные места» [из письма Самойловича Бартольду от 20.XI.1923 г.]. В свою очередь, Бартольд выражает заботу об «авторитете нашей <научной> школы»: «Думаю, однако, что неудачная рекомендация москвича не очень повредит авторитету нашей школы, хуже было бы, если бы оказался несостоятельным кто-нибудь из получивших научное образование у нас» [из письма Бартольда Самойловичу от 9.IX.1927 г.].

В начале 20-х годов идея объединения тюркологов, равно как и идея укрепления и консолидации новой школы «молодых» представителей этой специальности, которые, видимо, не оставляли Самойловича, подвигли его заняться трудоустройством С.Е. Малова в Петрограде, приглашением В.А. Гордлевского также переехать в Петроград для занятия кафедры покойного В.Д. Смирнова. «Делаю Вам настоящее предложение, следовательно, от имени всех своих коллег и с их ведома. Все мы были бы бесконечно рады, если бы Вы еще теснее слились с нами на поприще востоковедения» (письмо от 1.XI.1922 г.) [Баскаков 1973: 90].

Повышенный интерес Самойловича к Гордлевскому, возможно, объясним тем, что этот последний был, по определению Н.К. Дмитриева, «востоковед особого типа, который формально являясь питомцем ЛИВЯ <Лазаревского института>, фактически перерос его уже с самого момента его окончания и пошел по своему индивидуальному научному пути», «среди московских востоковедов В.А.Г. давно уже занимает центральное место» [Дмитриев 2001б: 193]. Судя по той доверительности, открытости, с которой написаны письма Самойловича к нему, можно думать, что Гордлевский выказывал сочувствие к передовым идеям коллеги.

**Владимир Александрович Гордлевский** (1876–1956), приехав в 1895 г. в Москву, поступил в Специальные классы Лазаревского института восточных языков (ЛИВЯ), закончил их в 1899 г. и в том же 1899 г. поступил на словесное отделение историко-филологического факультета Московского университета, где вполне овладел методом научной филологии. После окончания университета в 1904 г. по представлению Вс.Ф. Миллера Гордлевский был оставлен при Лазаревском институте для подготовки к профессорской деятельности и был командирован для усовершенствования в восточных языках на Восток (в Турцию и Сирию, где пробыл два года, изучая турецкий и арабский языки). Третий год командировки он провел в Париже, где, как отметил в своей автобиографии, «слушал лекции в Collège de France и занимался на дому у профессора Ecole Pratique des Hautes Etudes Жозефа Халеви» [Базиянц 1979: 10].

Овладев живым турецким языком свободно, Гордлевский прилагал методы научной филологии к исследованию собираемого им фактического материала. Творческий путь В.А. Гордлевского, по словам Н.К. Дмитриева, «в методическом отношении последовательно проходит следующие этапы: этнография – фольклор – литературоведение», среди которых свое место нашли «фольклористика этнографического направления» и «фольклористика литературного направления» [Дмитриев 2001б: 194, 199, 201]; перечисляемые Дмитриевым «лингвистические моменты», например, в работе Гордлевско-

го «Из наблюдений над турецкой песней», подводят его к понятию «фольклористика лингвистического направления» [Там же: 201 и сл.].

По возвращении из первых научных командировок в Турцию Гордлевский начал преподавательскую деятельность (1907–1948) в Лазаревском институте (позднее – Московском институте востоковедения), а научную, кроме того, в Этнографическом отделе Общества любителей естествознания, антропологии, этнографии (ОЛЕАЭ) при Московском университете. Активно участвует в печатном органе отдела – журнале «Этнографическое обозрение»; здесь он основывает и ведет отдел Турции и Ближнего Востока. С 18.XII.1913 г. Гордлевский стал председателем Комиссии по народной словесности при Этнографическом отделе ОЛЕАЭ. Активное участие Гордлевский принимал в работе Московской Восточной комиссии под руководством акад. Ф.Е. Корша и ее печатного органа «Древности Восточные», «видя в ней возможный центр для будущего московского востоковедения на научных основах» [Дмитриев 2001б: 196].

В.А. Гордлевский помещал свои труды, помимо изданий ЛИВЯ, журналов «Этнографическое обозрение» и «Древности Восточные», также в петербургских – «Живая старина» и «Мир ислама»; после революции – в журналах «Восток» и «Новый Восток», в «Записках Коллегии востоковедов», «Записках Института востоковедения АН СССР» (Л.), «Докладах АН СССР. Сер. востоковедения», «Известиях АН СССР» и др. Параллельно и его преподавательская и научно-исследовательская деятельность распространилась на ряд московских и отчасти ленинградских учреждений. В.А. Гордлевский стал признанным главой советских турковедческих кадров [Дмитриев 2001б: 196]. Ученую степень доктора литературоведения получил без защиты диссертации (1934 г.), профессор (1925 г.). Членом-корреспондентом избран в 1929 г., действительным членом АН СССР – в 1946 г.

Другим замечательным выпускником Лазаревского института тех лет был Н.И. Ашмарин. В письме от 18.IV.1930 г. Самойлович сообщил ему о своем давнишнем споре с А.Е. Крымским (во время Тюркологического съезда в Баку, март 1926 г.): «Крымский тогда хвастался тем, что в свое время основательно будто бы предпочел Гордлевского Вам в вопросе об оставлении при Лазаревском институте, а я ему возражал. Теперь, в Киеве, после подробного изучения Ваших творений он признал мою правоту»<sup>10</sup>. В письме к В.В. Бартольду от 20.XI.1923 г. Самойлович характеризует Н.И. Ашмарина («с его чувашским словарем») как «единственного, по моему крайнему разумению, специалиста по чувашелогии во всей России». В письме Ашмарину от 9.III.1924 г. Самойлович напоминает: «мы связаны между собою более чем только общей специальностью». Верный своей идее сплочения тюркологов, он предлагает «этому достойнейшему и скромнейшему человеку» «оживить наши сношения, и вот сегодня делаю почин в этом направлении» (из письма Самойловича Ашмарину от 9.III.1924 г.).

**Николай Иванович Ашмарин** (1870–1933), потомок ярославских крепостных крестьян (правда, дед прибыл в г. Ядрин уже офеней и открыл там свою торговлю), сын купца II гильдии; в его жилах текла и чувашская кровь (чувашкой была мать, по версии Н.А. Резюкова, его ученика и соратника, а по другой версии – бабушка [Гордлевский 1968]). Через чувашскую родительницу, а также из-за торговых дел отца, вращаясь в чувашской среде г. Курмыш, где жила их семья, в 13 лет овладел чувашским языком настолько, что мог свободно изъясняться на этом языке. По окончании Нижегородской классической гимназии поступил в Лазаревский институт восточных языков, который закончил в 1894 г. по I-му разряду. Слушая лекции по турецкому языку в Лазаревском институте, не мог не подметить его сходства с чувашским и со студенческой скамьи стал собирать материал по этому мало изученному тогда языку [Егоров 1948].

<sup>10</sup> Письма А.Н. Самойловича к Н.И. Ашмарину хранятся в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук; из их числа два письма – от 5.II.1925 и 18.IV.1930 – были опубликованы нами в составе Приложения к статье [Благова 2002: 110–113].



В 1895–1899 гг. преподавал татарский язык в Казани в крещенотатарской школе и географию в инородческой учительской семинарии (до 1919 г.). В середине 90-х годов XIX в. Ашмарин работал в Казани над созданием грамматики чувашского языка. По его собственному признанию (цит. по [Кокова 1993: 67]), «Грамматика вышла довольно хаотичной и с большими недостатками, так как у меня не было навыка к научной работе, а руководителя я не имел. Как бы то ни было, покойный профессор Казанского университета Н.Ф. Катанов, которому я передал на рассмотрение свой труд, сказал мне, что он находит небесполезным напечатать мою грамматику и поэтому будет ходатайствовать о напечатании ее в “Ученых записках” <Казанского университета>. Таким образом, моей первой работе в области изучения чувашского языка очень посчастливилось»; в примечании Ашмарин сообщает: «В письме к Н.Ф. Катанову покойный венгерский академик Б. Мункачи назвал эту работу уже после ее напечатания “wichtig”»<sup>11</sup>. Ашмарин первым предпринял научное обследование чувашского синтаксиса [Ашмарин 1903: Ч. 1; 1923: Ч. 2].

В письме к Ашмарину от 27.IX.1916 г. Самойлович пишет о заседании на квартире акад. Радлова, на котором было выслушано «его <т. е. Радлова> сообщение о чувашском языке, составленное главным образом по Вашим трудам». В этом же письме, а также в письме от 6.V.1917 г. Самойлович заботливо отвечает на запрос своего адресата: возможно ли ему «держать магистерский экзамен без государственного», и сообщает «новую магистерскую программу» в той ее части, которая относится к Ашмарину. Характерно для Самойловича, что он подчеркивает особо там же солидарность своих коллег в вопросе, интересующем Ашмарина: «Петроградские востоковеды весьма сочувствуют Вашему намерению».

Всю свою жизнь Ашмарин посвятил Поволжью, главным образом чувашам, их языку и фольклору. Именно Ашмарин доказал в 1902 г. ближайшее родство чувашского и болгарского языков; впоследствии те фонетические характеристики болгарского языка, которые были им намечены, подтвердил З. Гомбоц, исследовавший древнетюркские элементы в современном венгерском языке [Ашмарин 1902; Gombocz 1912].

С 1917 г. Ашмарин преподавал татарский и чувашский языки в Казани в Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте (Восточная Академия – Восточный институт), позднее – в Симбирске в Чувашском институте народного образования, где он читал курс чувашского языка. Все это время он продолжал собирать материалы к своему чувашско-русскому словарю.

1923–1926 годами датируется жизнедеятельность Ашмарина в Баку, где он стал заведующим кафедрой тюркологии на восточном факультете Азербайджанского университета. В эти годы он занимается общетюркологической проблематикой, разворачивает исследовательскую работу по азербайджанской диалектологии – ему принадлежит «Программа и инструкция по сбору диалектного материала», а также монографическое описание нухинских говоров азербайджанского языка [Ашмарин 1926]. В 1925 г. ему присвоено звание доктора филологии.

В эти же годы Ашмарин выступает с инициативой составления «словаря тюркских народных говоров Азербайджана»; в результате реализации поставленной задачи в 1930 и 1931 г. вышли в свет два выпуска I тома этого словаря. По мнению М.Ш. Ширалиева, своими трудами, среди которых особое место занимает уникальное монографическое исследование «Общий обзор народных тюркских говоров гор. Нухи», Н.И. Ашмарин положил «начало подлинно научному изучению богатейших диалектов и говоров азербайджанского языка» [Ширалиев 1970: 76].

Вернувшись в Казань, Ашмарин работал в Восточном пединституте (до 1931 г.). С 1931 г. до конца жизни занимался изданием своего словаря.

Основной труд Ашмарина – «Словарь чувашского языка» [Ашмарин 1928–1950]; в 17 выпусках содержится около 50 тысяч слов, богато представлена фразеология, рас-

<sup>11</sup> *Wichtig* ‘важный’ ‘важно’ (нем.).

крывающая народную (крестынской) жизнь чувашей. В.В. Бартольд назвал этот труд «классическим», А.Н. Самойлович – «драгоценным словарем» (из его письма Ашмарину от 18.IV.1930 г.).

В другом письме к Ашмарину (без даты) Самойлович передает суждения других ученых: «Э.К. Пекарский шлет Вам глубокий привет и восхищение Вашим Словарем: “читаю с большим удовольствием”; Д.К. Зеленин: “со словарем, так прекрасно составленным и с таким богатым материалом, нам легче работать”».

В последний казанский период жизни Ашмарина он часто выезжал в Чебоксары по вопросам печатания очередных выпусков своего Словаря. В этих вопросах ему неизменно помогал Н.А. Резюков, являвшийся редактором некоторых выпусков; после смерти составителя (в 1933 г.) он подготовил к печати выпуски 8–14.

А.Н. Самойлович причислял Н.И. Ашмарина к плеяде первых отечественных «теоретиков-лингвистов в области туркологии»: «Своих научно-подготовленных теоретиков-лингвистов в области туркологии Россия начала выдвигать только во второй половине XIX в. (Н.И. Ильминский, Ф.Е. Корш, К.Г. Залеман, П.М. Мелиоранский, Н.И. Ашмарин) <...>» [Самойлович 2005: 147].

В 1929 г. Н.И. Ашмарин был избран членом-корр. АН СССР. Похоронен на Арском кладбище в Казани.

**Поливанов Евгений Дмитриевич** (1891–1938) – российский востоковед широкого профиля: специалист по японскому, китайскому, тюркскому, алтайскому и общему языкознанию. Окончил в 1912 г. Петербургский университет – по славяно-русскому отделению историко-филологического факультета и Практическую восточную академию по японскому разряду. Совершенствовал знания в Японии. С 1914 г. – приват-доцент факультета восточных языков. Занимается исторической фонетикой японского языка, разрабатывает гипотезу о смешанном характере японского языка. За диссертацию «Психофонетические наблюдения над японскими диалектами» в 1915 г. ему присуждена ученая степень магистра. Преподаватель Петроградского университета (1915–1921). Профессор (1920 г.). В ноябре 1917 г. приват-доцент Поливанов занимал пост уполномоченного по иностранным делам [Долинина 1994: 131 и примеч. на с. 406].

В 1921 г., переехав в Ташкент, преподавал в САГУ, Туркестанском восточном институте (1921–1926). Быстро овладел узбекским языком и его диалектами, а также диалектами таджикского языка, ходжентским и самаркандским. Из письма Поливанова к Самойловичу от <1930 г.> видно, что им написан краткий предварительный очерк узбекских говоров Хорезма и составляется «Диалектологический словарь узбекского языка»; совместно с иранистом Виноградовым написаны статья «Ходжентский говор таджикского языка» и краткий очерк грамматики самаркандского говора таджикского языка. В этот период им были изданы «Краткий русско-узбекский словарь» [Поливанов 1926а] и «Краткая грамматика узбекского языка» [Поливанов 1926б].

В 1926–1929 гг. Поливанов преподает в Москве в КУТВ. Был председателем Лингвистической секции Института языка и литературы РАНИОН. После его участия в дискуссии по проблемам теоретического языкознания, когда он в своем докладе показал несостоятельность яфетидической теории Н.Я. Марра, ему пришлось принять приглашение Узбекского Наркомпроса и выехать для работы в Самарканд. Оставался заместителем председателя Государственного ученого комитета при Наркомпросе Туркестана (1926–1931 гг.), был научным сотрудником ВНИИ культурного строительства. Преподавал в вузах Ташкента, Самарканда, Фрунзе. Совместно с Ю. Яншансином составил «Граматику дунганского языка» [Поливанов 1935–1936]. По тюркологии в этот период им подготовлен целый ряд работ.

Концепция языка Е.Д. Поливанова, по мнению В.М. Алпатова, дошла до нас не полностью; наряду с марксизмом он обращался и к другим теориям. «Марксизм стимулировал изучение Евгением Дмитриевичем социальных проблем языка, отражения законов диалектики в языке, но собственно марксистской теории языка у него не было, и сама задача была невыполнимой» [Алпатов 2001]. Знаменателен вывод, что «фундамент



многих построений современной типологии и исторической алтаистики воздвигался не без участия творческого гения Е.Д. Поливанова» [Насилов 2001].

Е.Д. Поливанов в 1937 г. был репрессирован, в 1938 г. расстрелян.

**Дмитриев Николай Константинович** (1898–1954) – один из наиболее ярких и талантливых тюркологов, пришедших в науку в середине 20-х годов. В 1920 г. он окончил историко-филологический факультет Московского университета по классическому отделению, одновременно изучая общее языкознание, южнославянские языки (особенно – болгарский и сербский) и овладевая на курсах иностранных языков Берлица в 1916–1918 гг. английским и итальянским языками (французский он усвоил в семье с детства [Тенишев, Дыбо 2001: 7–10]). Впоследствии на этих языках он писал тюркологические работы для зарубежных журналов.

В 1918 г. Дмитриев одновременно поступил и в Лазаревский институт восточных языков (с 1921 г. – Московский институт востоковедения: МИВ) сразу на три разряда: турецкий, арабский, персидский; изучал также пехлевийский, сирийский, а из тюркских – азербайджанский, башкирский, казахский. В 1922 г. Дмитриев окончил МИВ и по предложению крупного слависта А.М. Селищева предпринял исследование славянско-тюркских языковых отношений. Защитив кандидатскую диссертацию на тему «Элементы турецкого языка в сербском фольклоре»<sup>12</sup>, он осенью того же 1925 г. по приглашению А.Н. Самойловича переезжает в Ленинград, где стал работать в ЛИЖВЯ (впоследствии – Восточный институт) сначала в должности доцента, с 1929 г. – профессора, с 1930 г. до закрытия института в 1937 г. – заведующим кафедрой турецкого языка.

Сохраняя связи с Москвой, Дмитриев работал в Московском университете с 1928 г. доцентом, с 1929 г. – профессором; с 1930 по 1939 г. руководил кафедрой тюркских языков. В 1940 г. он назначен заведующим кафедрой тюркской филологии филологического факультета МГУ; в 1944–1948 гг. параллельно заведовал кафедрой тюркской филологии восточного факультета ЛГУ. С 1949 г. он руководит Восточным отделением филологического факультета МГУ (являясь его фактическим руководителем с 1943 г.). С 1938 г. по 1954 г. Дмитриев был бессменным заведующим тюркским сектором Научно-исследовательского института языка и письменности АН СССР (в 1950 г. реорганизованного в Институт языкознания АН СССР). Член-корр. АН СССР (1943), действительный член АПН (1945 г.), Н.К. Дмитриев вырастил целую школу тюркологов-лингвистов, а также методистов.

Ученый-теоретик, проникший в глубины тюркских языков, Н.К. Дмитриев был ученым «полевого склада»: «благодаря своим исключительным способностям вел одновременное исследование ряда тюркских языков – турецкого, азербайджанского, гагаузского, туркменского, крымско-татарского, башкирского, татарского, кумыкского, и эти обширные познания сделали его особенно ценным работником всесоюзного масштаба пользующимся заслуженной известностью и среди зарубежных тюркологов» (из архивного отзыва А.Н. Самойловича).

В результате многочисленных научных экспедиций, которые им возглавлялись и подготовку к которым он производил тщательнейшим образом (это явствует из его архивных материалов), Дмитриев сформировался как организатор особой школы тюркской диалектологии, он создал основной научный фонд для исследования различных тюркских языков и диалектов, прежде не изучавшихся или малоизученных. Автор первых научных грамматик кумыкского и башкирского языков [Дмитриев 1940; 1948], его грамматические труды см. также: [Дмитриев 1962] (грамматика азербайджанского языка, подготовленная к печати Дмитриевым, утрачена издательством во время войны).

<sup>12</sup> В связи с этим исследованием И.Ю. Крачковским был написан «Отзыв о научно-литературной деятельности Н.К. Дмитриева», который в сокращении приведен в сборнике, посвященном 100-летию со дня его рождения [Николай Константинович Дмитриев: К 100-летию: 2001: 26–28].

Опираясь на созданный им фонд языковых данных, Н.К. Дмитриев заложил научные основы сравнительной грамматики тюркских языков, которая была создана коллективом тюркологов Института языкознания АН СССР под его руководством и при его участии.

Насколько высоко А.Н. Самойлович ценил Дмитриева, свидетельствуют архивные материалы, связанные с подготовкой планировавшегося «II восточного съезда». По мысли Самойловича, «на предстоящем в 1936 г. всесоюзном восточном съезде мы должны заслушать и обсудить доклад о том, как у нас организовано изучение анатолийско-турецкого языка, что в этой области сделано за советское время и каковы планы на ближайшее будущее». Черновая рукопись доклада под заглавием «Изучение анатолийско-румелийско-турецкого языка» хранится в архивном фонде ученого (РНБ. Ф. 671. Д. 132, 70 листов чернилами, без даты). Излагая замыслы обследования современного турецкого языка во всем объеме диалектов, Самойлович предполагал во главе этого научного предприятия поставить Н.К. Дмитриева, «талантливого и энергичного ученика проф. В.А. Гордлевского»: «Я считаю нужным особо отметить широко развернувшуюся в послеоктябрьских условиях научную деятельность Н.К. Дмитриева, который приобрел своими трудами по анатолийско-турецкому языку и международную известность, и право на руководящую роль в этой лингвистической области у нас в Союзе. На него, таким образом, естественно падает и обязанность организовать как следует изучение в СССР анатолийско-турецкого языка во всем его обширном объеме, объединить для этого дела соответствующих специалистов и соответствующие научные учреждения Ленинграда, Москвы, Украины, Закавказья» (РНБ. Ф. 671. Д. 132. Л. 31, 66–67).

По объективным причинам «II Всесоюзный восточный съезд» не состоялся ни в 1936 г., ни в последующие годы. Доклад А.Н. Самойловича, как и его планы выдвинуть Н.К. Дмитриева на руководящую роль в деле «изучения в СССР анатолийско-турецкого языка во всем его обширном объеме» надолго остались в недрах архива.

Как любил говорить своим ученикам Н.К. Дмитриев, «новое – это хорошо забытое старое». Введение в научный оборот забытых или не востребуемых идей А.Н. Самойловича о двух школах в тюркологии, размежевавшихся по методологическому критерию в период «смены средневековья нашей науки новой историей» – при опоре на кардинальное расширение источниковой базы – открывает широкие перспективы для системных историографических исследований в области отечественной тюркологии. «<...> погребать под спудом забвения документы, ценные для науки, есть невнимание к науке <...>» [Самойлович 2005: 142].

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алпатов 2001 – В.М. Алпатов. Марксистская концепция языка Е.Д. Поливанова // Е.Д. Поливанов и его идеи в современном освещении. Сб. научн. статей, посвященный 110-й годовщине со дня рождения Е.Д. Поливанова. Смоленск, 2001.
- Ашмарин 1902 – Н.И. Ашмарин. Болгары и чуваша: К вопросу о волжских болгарях и их отношении к нынешним чувашам. Казань, 1902.
- Ашмарин 1903: Ч. 1; 1923: Ч. 2 – Н.И. Ашмарин. Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 1. Казань, 1903; Ч. 2. Симбирск, 1923.
- Ашмарин 1926 – Н.И. Ашмарин. Общий обзор народных тюркских говоров гор. Нухи. Баку, 1926.
- Ашмарин 1928–1950 – Н.И. Ашмарин. Словарь чувашского языка. Вып. 1–17. Казань: Чебоксары, 1928–1950.
- Ашнин 1978а – Ф.Д. Ашнин. Александр Николаевич Самойлович // ТС 1974. М., 1978.
- Ашнин 1978б – Список трудов А.Н. Самойловича (с указанием рецензий на них) и литература о нем / Сост. Ф.Д. Ашнин // ТС 1974. М., 1978.
- Ашнин, Алпатов 1996 – Ф.Д. Ашнин, В.М. Алпатов. Архивные документы о гибели академика А.Н. Самойловича // Восток. 1996. № 5.
- Ашнин, Алпатов, Насилов 2002 – Ф.Д. Ашнин, В.М. Алпатов, Д.М. Насилов. Репрессированная тюркология. М., 2002.



- Базиянц 1979 – А.П. Базиянц. Владимир Александрович Гордлевский. М., 1979.
- Бартольд 1963 – В.В. Бартольд. Соч. Т. I. М., 1963.
- Бартольд 1976 – В.В. Бартольд. Соч. Т. IX. М., 1976.
- Баскаков 1973 – Н.А. Баскаков. А.Н. Самойлович в письмах к В.А. Гордлевскому // СТ. 1973. № 5.
- Благова 2000 – Г.Ф. Благова. Эдиционно-исследовательская методика в трудах А.Н. Самойловича // Rocznik Orientalistyczny. 2000. Т. LIII. Z. 1.
- Благова 2002 – Г.Ф. Благова. История среднеазиатско-тюркских литератур и история литературных языков в трудах А.Н. Самойловича послеоктябрьского периода // ВЯ. 2002. № 2.
- ВИ 2004. № 2 – Вопросы истории. 2004. № 2.
- Гордлевский 1968 – В.А. Гордлевский. Памяти Н.И. Ашмарина (К 85-летию со дня рождения) // В.А. Гордлевский. Избр. соч. Т. IV. М., 1968.
- Дмитриев 1940 – Н.К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.; Л., 1940.
- Дмитриев 1948 – Н.К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948.
- Дмитриев 1962 – Н.К. Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1962.
- Дмитриев 2001а – Н.К. Дмитриев. Восточная филология в Московском университете/Публ. и коммент. Г.Ф. Благова // Николай Константинович Дмитриев: 100-летие со дня рождения. М., 2001.
- Дмитриев 2001б – Н.К. Дмитриев. В.А. Гордлевский как фольклорист и этнограф/Публ. и коммент. Г.Ф. Благова // Николай Константинович Дмитриев: 100-летие со дня рождения. М., 2001.
- Долинина 1994 – А.А. Долинина. Невольник долга. СПб., 1994.
- Егоров 1948 – В.Г. Егоров. Ашмарин как исследователь чувашского языка (К 75-летию со дня рождения). Чебоксары, 1948.
- Иванов 1973 – С.Н. Иванов. Николай Федорович Катанов (Очерк жизни и деятельности). 2-е изд. М., 1973.
- Кокова 1993 – И.Ф. Кокова. Н.Ф. Катанов. Документально-публицистическое эссе. Абакан, 1993.
- Кононов 1970а – А.Н. Кононов. В.В. Бартольд – выдающийся востоковед (К 40-летию со дня смерти) // СТ. 1970. № 6.
- Кононов 1970б – А.Н. Кононов. Тюркское языкознание в Ленинграде. 1917–1967 // ТС 1970. М., 1970.
- Кононов 1972 – А.Н. Кононов. В.В. Радлов и отечественная тюркология // ТС 1971. М., 1972.
- Кононов 1973 – А.Н. Кононов. П.М. Мелиоранский и отечественная тюркология // ТС 1972. М., 1973.
- Кононов 1982 – А.Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. 2-е изд., доп. и испр. Л., 1982.
- Кононов 1984 – А.Н. Кононов. Борис Яковлевич Владимирцов – тюрколог // СТ. 1984. № 4.
- Кононов 1989 – Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. 2-е изд., перераб., подг. А.Н. Кононов. М., 1989.
- Мелиоранский 1894: Ч. I и 1897: Ч. II – П.М. Мелиоранский. Краткая грамматика казак-киргизского языка. Ч. I. Фонетика и этимология. СПб., 1894; Ч. II. Синтаксис. 1897.
- Мелиоранский 1900а – П.М. Мелиоранский. Рец.: L. Bonelli. Elementi di grammatica turca osmanli // ЗВОРАО. 1900. Т. XII.
- Мелиоранский 1900б – П.М. Мелиоранский. Араб филолог о турецком языке / Араб. текст издал и снабдил переводом и введением П.М. Мелиоранский. СПб., 1900.
- Насилов 2001 – Д.М. Насилов. «Языковой строй» в трудах Е.Д. Поливанова // Сб.: Е.Д. Поливанов и его идеи в современном освещении. Смоленск, 2001.
- Неизвестные страницы. II. 2004 – Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. II. М., 2004.
- Николай Константинович Дмитриев: К 100-летию: 2001 – Николай Константинович Дмитриев: К 100-летию со дня рождения. Сб. статей. М., 2001.
- Петросян 2002 – Ю.А. Петросян. Традиции Азиатского музея и их хранители // Петербургское востоковедение. Вып. 10. СПб., 2002.
- Петрушевский 1963 – И. Петрушевский. Академик В.В. Бартольд (биографическая справка) // В.В. Бартольд. Соч. Т. I. М., 1963.
- Поливанов 1926а – Е.Д. Поливанов. Краткий русско-узбекский словарь. Ташкент, 1926.
- Поливанов 1926б – Е.Д. Поливанов. Краткая грамматика узбекского языка: В 2-х ч. Ташкент, 1926.

- Поливанов 1933 – *Е.Д. Поливанов*. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык. Ташкент, 1933.
- Поливанов 1935–1936 – *Е.Д. Поливанов*. Грамматика дунганского языка. Учебник для начальной школы. Ч. I–II. Фрунзе, 1935–1936. (Соавтор Ю. Яншансин; на дунганском яз.).
- Радлов 1866–1872 – *В.В. Радлов*. Наречия тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. I отделение. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Ч. I–IV. Собраны В.В. Радловым. СПб., 1866–1872.
- Розен–Ольденбург 2004 – Переписка В.Р. Розена и С.Ф. Ольденбурга (1887–1907) / Публ., коммент. и примеч. И. Смилянской и др. // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. II. 2004.
- Самойлович 1923 – *А.Н. Самойлович*. Памяти профессора В.Д. Смирнова // Восток. М., 1923. Кн. 3.
- Самойлович 1924 – *А.Н. Самойлович*. Профессор Н.Ф. Катанов – первый ученый из абаканских турков // Жизнь Бурятии. 1924. № 6 (Верхнеудинск).
- Самойлович 1925 – *А.Н. Самойлович*. И.Н. Березин как турколог (1818–1918) // Записки Коллегии востоковедов. Т. I. Л., 1925.
- Самойлович 2002 – *А.Н. Самойлович*. Краткая учебная грамматика османско-турецкого языка. М., 2002.
- Самойлович 2005 – *А.Н. Самойлович*. Тюркское языкознание. Филология. Руника. М., 2005.
- Справочные сведения 1920–1923 гг. – Справочные сведения по Петроградскому институту живых восточных языков (1920–1923 гг.). Л., 1924.
- Тенишев 2005 – *Э.Р. Тенишев*. Памяти С.Е. Малова // Эдгем Рахимович Тенишев. Жизнь и творчество 1921–2004. М., 2005.
- Тенишев, Дыбо 2001 – *Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо*. Н.К. Дмитриев // Николай Константинович Дмитриев: 100-летие со дня рождения. М., 2001.
- Ширалиев 1970 – *М.Ш. Ширалиев*. Н.И. Ашмарин и развитие азербайджанской диалектологии (К 100-летию со дня рождения) // СТ. 1970. № 6.
- Gombocz 1912 – *Z. Gombocz*. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache // Mémoires de la Société Finno-ougrienne. 1912. Bd. XXX.
- Radloff 1882–1883 – *W. Radloff*. Vergleichende Grammatik der nördlichen Türksprachen. I: Phonetik der nördlichen Türksprachen. Leipzig, 1882–1883.
- Radloff 1884 – *W. Radloff*. Aus Sibirien. Bd. I. Leipzig, 1884.

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АПН – Академия педагогических наук  
 АРАН – Архив РАН  
 ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры  
 ЗВОРАО – Записки Восточного отделения Русского археологического общества  
 ЗКВ – Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской АН (АН СССР)  
 ИКП – Институт книги, документа, письма  
 ИЛЯЗВ – Институт сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока им. А.Н. Веселовского  
 КУТВ – Коммунистический университет трудящихся Востока  
 ЛВИ – Ленинградский восточный институт  
 ЛИВЯ – Лазаревский институт восточных языков  
 ЛИЖВЯ – Ленинградский институт живых восточных языков (см. ПИЖВЯ)  
 МИВ – Московский институт востоковедения  
 ПИЖВЯ – Петроградский институт живых восточных языков  
 ПФАРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН  
 РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук  
 САГУ – Среднеазиатский государственный университет  
 ТС – Тюркологический сборник